

WORLD OF WARCRAFT

Л Е Г Е Н Д Ы В Л И З З А Р Д

КРИСТИ ГОЛДЕН
РОЖДЕНИЕ ОРДЫ

World Of Warcraft

Кристи Голден

World Of Warcraft. Рождение Орды

«АСТ»

2006

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Голден К.

World Of Warcraft. Рождение Орды / К. Голден — «АСТ»,
2006 — (World Of Warcraft)

ISBN 978-5-17-105410-6

Хотя молодой вождь Тралл и покончил с проклятием демона, которое многие поколения оскверняло его народ, орки все еще пытаются побороть грехи своего кровавого прошлого. Будучи неистовой Ордой, они провели несколько разрушительных войн со своим извечным врагом – Альянсом. Ярость и кровожадность, заставлявшие орков уничтожать все на своем пути, почти полностью поглотили их. С давних пор благородные орочьи кланы жили в относительном мире со своими загадочными соседями дренеями на безмятежном Дреноре. Однако у гнусных посланников Пылающего Легиона были другие планы на две эти ничего не подозревающие расы. Демонический повелитель Кил'джеден запустил мрачную цепь событий, которая привела не только к истреблению дренеев, но и превратила орочьи кланы в единую неукротимую машину ненависти и разрушения.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105410-6

© Голден К., 2006

© АСТ, 2006

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кристи Голден

World of Warcraft: Рождение Орды

Christie Golden

World of Warcraft: Rise of the Horde

© 2018 Blizzard Entertainment, Inc. All Rights Reserved. Rise of the Horde, Diablo, StarCraft, Warcraft, World of Warcraft and Blizzard Entertainment are trademarks or registered trademarks of Blizzard Entertainment in the U.S. and/or other countries. All other trademarks are the property of their respective owners

* * *

*Свою книгу я посвящаю Крису Метцену (его поддержка и энтузиазм очень пригодились мне в работе над этим проектом), а также фантастическим существам с РП-сервера «World of WarCraft®» – всем тем, с кем мне выпала честь играть. В их числе Арон и Эрика Джолли-Меерс, Лэйси Коулмэн и Шон Рич, которому я благодарна в особенности, ведь это он зазвал меня в ролевую игру.
Совет Теней, вперед, к победе!*

Пролог

Сила незнакомца лучилась светом, ослепительным переливом цветов и оттенков. Свет укрывал его будто плащ, короной сиял вокруг могучей главы. Голос незнакомца принимали и уши, и разум, и текла от него по жилам сладкая радость – словно от любимой песни, забытой, но вспомнившейся внезапно.

Дар, предлагаемый незнакомцем, был велик.

Сердца тянулись к нему, но все же... Тень сомнения встала над ним.

Когда незнакомец исчез, вожди эредаров заговорили друг с другом – тайными словами разумов.

– За столь многое он желает так мало, – заметил первый, играя мышцами, – и по обоим мирам, тленному и духовному, пробежало эхо его силы.

– Такая мощь, – пробормотал задумчиво второй – прекрасный, изящный, исполненный благодати и красоты. – И ведь он поведал нам правду, ибо никто не в силах лгать, рассказывая так.

Предсказанное им – случится!

Третий молчал. Все трое знали: видение, явленное незнакомцем, невозможно подделать, оно правдиво. Все же третий вождь, Велен, хотя и поверил видению, встревожился – было в чужаке, назвавшем себя Саргерас, нечто пугающее. Вожди эредаров были друзьями. Велен был в особенности дружен с Кил'джеденом, сильнейшим и самым решительным из троих. Дружили они несчетные годы, проходившие незаметно для существ, над которыми время не властно. В глазах Велена мнение Кил'джедена весило больше, чем мнение Архимонда – тот хотя и мысллил здраво, но был тщеславен и падок на лесть, и потому не всегда судил беспристрастно. А Кил'джеден был за то, чтобы согласиться с незнакомцем.

Велен снова принялся обдумывать видение: новые миры, ожидающие освоения и, что важнее, изучения, постижения. Эредары очень любознательны. Познание для них столь же необходимо, как для существ низших – хлеб и вода. А Саргерас пообещал удивительное, приятное, завораживающее – если только эредары согласятся на малость: поклясться Саргерасу в верности.

И обещают верность своих народов.

– Как обычно, наш Велен осмотрителен и осторожен, – заметил Архимонд.

Слова, облеченные в форму похвалы, – но теперь они показались Велену почти насмешкой.

Он знал, чего жаждет Архимонд, знал, что тому нерешительность друга кажется досадной помехой на пути к желаемому. Велен улыбнулся.

– Да, я самый осторожный из нас, и моя осторожность спасала нас столь же часто, как твоя решительность, Кил'джеден, и твоя находчивость, Архимонд.

Оба рассмеялись, и на мгновение Велен ощутил прежнее дружеское тепло. А отсмеявшись, почувствовал: они уже решили. Разошлись молча.

Велен смотрел вслед уходящим друзьям, а на сердце становилось все тяжелее. Правильно ли они поступили? А как решит он сам?

Они давно знали друг друга – такие разные, но дополнявшие и уравнивавшие один другого во имя пользы мира и спокойствия их народа. Велен знал – вожди превыше всего ставят благополучие тех, кто им поверил, и всегда троим удавалось прийти к согласию.

Теперь они уже решили принять дар – но почему же так тревожно от уверенности и обаяния Саргераса? Гость заверял: именно эредаров он и искал – сильный, гордый, страстный, разумный народ. О, как смогут эредары укрепить свою мощь, служа благородной цели – единению всех миров. Саргерас изменит эредаров, наделит их дарами, каких не знала вселенная,

ибо никогда еще сила, подобная Саргерасу, не соединялась с уникальностью эредаров. Саргерас показал правду...

И все же – отчего сомнения?

Велен пошел в храм, куда часто заглядывал в часы тревог. Этой ночью в храме были и другие эредары: сидели вокруг каменного постамента с драгоценным кристаллом Ата'мала. Кристалл был столь древним, что никто уже не помнил его происхождения – так же как эредары не помнили своего. Легенда гласила: кристалл был дарован эредарам в глубокой древности. Он позволял усилить способности разума, изучать и познавать тайны вселенной, использовался для исцеления, призыва сущностей, а порой позволял заглядывать в будущее. Этой ночью Велен желал заглянуть в грядущее. Благоговейно приблизился, тронул кристалл. Теплый – будто зверек свернулся клубком в ладони. Теплое касание успокаивает. Велен глубоко вдохнул – знакомая сила наплатила душу, – затем вернулся в круг созерцающих.

Закрыв глаза – и расслабился, открыв восприятию разум и тело, чутье мага. И поначалу увидел подтверждение пророчеству Саргераса: увидел себя стоящим вровень с Кил'джеденом и Архимондом, повелителями не только своего благородного и горделивого народа, но и бесчисленного множества миров. Троих окутывала мощь, завлекающая, пьянящая, будто крепчайшие вина. Сияющие города лежали у их ног, и горожане простирались перед владыками, приветствовали их криками радости и обожания, выказывая верность.

Новые знания и умения, невиданные устройства ожидали познающего взгляда. Тома на неведомых еще языках ждали перевода, обещая открыть диковинную, невообразимую магию. Великое, славное дело! Голова Велена закружилась от восторга.

Он взглянул на Кил'джедена – старый друг улыбался. Архимонд дружески коснулся плеча.

Затем Велен глянул на себя – и закричал в ужасе. Тело стало огромным, но чудовищно исказилось. Гладкая голубая кожа почернела, пошла бурыми пятнами, вспучилась грубыми выростами – словно кора благородного дерева, пораженная хворью. Свет исходил от Велена – но не чистый, ясный свет незапятнанной силы, а ядовито-зеленый, больной, тревожный. Ошеломленный, обернулся к друзьям – те тоже потеряли былые обличья.

Они стали ман'ари!

Слово это на языке эредаров обозначало нечто чудовищно искаженное, неправильное, оскверненное. Осознание ударило в душу, будто пылающий меч. Велен закричал, дрожа, оторвал взгляд от своего искаженного тела, огляделся вокруг, отыскивая обещанные Саргерасом мир и процветание, но увидел лишь зло. Где за мгновение до того стояла ликующая толпа – лежали изувеченные трупы, а по ним ступали существа, превратившиеся, подобно Кил'джедену и Архимонду, в монстров. В крови по телам скакали невиданные чудовища: псы со щупальцами на спинах, крошечные, хохочущие твари, танцующие среди мертвечины, обманчиво красивые, изящные существа с распростертыми крыльями за спиной, глядящие на побоище с удовольствием и гордостью. Где ступали раздвоенные копыта этих существ, умирала земля. Истлевала не только трава, но и почва, иссыхало, мертвело все, дающее жизнь.

Так вот что хотел Саргерас учинить с эредарами, вот о каком «укреплении» вещал, сияя! Если народ Велена подчинится Саргерасу, то превратится в стадо этих... этих ман'ари! Вдруг он понял: увиденное – не единичный случай. Не один-единственный мир постигнет кровавая участь – десятки, сотни, тысячи! Если они поддержат Саргераса – погибнет все! Тогда легионы ман'ари, ведомые Кил'джеденом, Архимондом и – о светлое благо, спаси нас и охрани – самим Веленом, уничтожат все существующее, выжгут и омертвят, как несчастную землю, явившуюся в пророчестве. Быть может, Саргерас безумен? Или еще хуже – он понимает, на что идет, но все равно жаждет идти?

Кровь и огонь залили мир, залили Велена, испепеляя, сокрушая, пока он не упал наземь. Тогда видение милосердно угасло, и он вернулся в мир, рыдая, дрожа. Теперь он остался один в храме, и кристалл светился тепло, успокаивая. Счастливое, мирное тепло!

Кровь и огонь еще не пришли. Увиденное еще не стало явью. Саргерас не солгал: эредары изменятся, достигнув почти божественной силы, знания, власти, и потеряют все, что ценят, предадут всех, кого поклялись защищать.

Отер ладонью лоб – всего лишь пот, не кровь.

Пока не кровь. Возможно ли изменить будущее, не допустить разрушений, остановить легион чудовищ?

Ответ пришел к нему, ясный и свежий, будто глоток прохладной чистой воды в пустыне: ДА!

Друзья явились без промедления, услышав отчаяние в его зове. За несколько мгновений он, прикоснувшись к их разумам, сообщил увиденное, передал чувства. Сперва мелькнула надежда: они поняли, согласились. Предсказанное не свершится!

Но Архимонд нахмурился.

– Это пророчество мы не можем проверить. Это лишь твои подозрения.

Велен поглядел на друга, недоумевая, затем обратился к Кил'джедену. Тот не был столь поработан тщеславием. Кил'джеден силен и мудр.

– Архимонд прав, – подтвердил Кил'джеден, не задумываясь. – Здесь нет истины – лишь страхи в твоём сознании.

Велен смотрел, исполняясь боли. Осторожно, тщательно отделил свой разум от сознания друзей. Теперь он остался в одиночестве – никогда больше не разделит чувства и мысли с этими двумя, раньше бывшими как части целого, продолжения его души и разума. Кил'джеден же воспринял разрыв связи как признак согласия, как поражение Велена – как тот и рассчитывал. Потому улыбнулся, положил руку на плечо.

– Не бойся – я не обменяю доброе и правильное на то, что может обернуться бедой, – сказал Кил'джеден утешительно. – Да и ты, думаю, тоже.

Велен не рискнул солгать – просто опустил глаза, вздохнув. Когда-то и Кил'джеден, и даже Архимонд разгадали бы столь простую уловку. Но сейчас им было не до разгадок – мечтали увлеченно о необъятной силе, ожидающей впереди. Переубеждать поздно: эти двое, когда-то столь великие, уже превратились в слуг Саргераса, уже шагнули к превращению в ман'ари. Велен понял: если догадаются, что он не с ними, станут врагами, и последствия будут ужасны. Нельзя выдавать себя, нужно выжить – для того, чтобы спасти хоть кого-то из своего племени от проклятия и гибели.

Велен кивнул в знак согласия, но промолчал, и было решено, что все вожди эредаров подчинятся великому Саргерасу. Кил'джеден с Архимондом тут же отправились готовить встречу новому владыке. А Велен остался проклинать себя за беспомощность. Хотел защитить весь народ, но понимал: невозможно. Большинство поверят Кил'джедену с Архимондом и пойдут за ними к горькой судьбе. Но есть горстка единомышленников, доверяющих, готовых бросить все по одному его слову. Им придется бросить: родной их мир, Аргус, вскоре разрушится, пожранный безумием легиона демонов. Уцелевшим останется только бежать.

Но куда?

Велен глядел на кристалл, исполняясь отчаяния. Саргерас грядет, и в этом мире нет от него спасения. Как и куда бежать?

Слезы затуманили взгляд. От них, наверное, кристалл показался мерцающим, дрожащим... Велен моргнул – нет, это не обман: кристалл засветился! Поднялся медленно с пьедестала, поплыл, завис перед потрясенным Веленом.

В сознании зазвучал тихий голос: «Коснись!»

Пораженный, трепещущий, Велен протянул сильную руку, ожидая знакомого спокойного тепла.

Охнул – от кристалла хлынул поток энергии, почти столь же мощный, как явленная в видении темная сила. Но энергия кристалла была чистой, неоскверненной – и с нею возродилась надежда, вернулась крепость души.

Странное поле света вокруг кристалла разрослось, вытянулось, приобретя форму диковинного существа. Велен заморгал, почти ослепленный, но отворачиваться не хотел.

– Ты не одинок, Велен из народа эредаров, – прошептал в сознании мягкий, тихий голос, подобный шелесту ручья, шороху летнего ветра.

Сияние померкло, и Велену предстало создание, сотканное из живого света, золотисто-желтое в средоточье, спокойно-пурпурное по краям.

У центра его кружились, плясали поблескивающие металлом знаки, умиротворяющие, завораживающие. Оно говорило, и слова его, вспыхивающие в сознании, казались голосом воплощенного света.

– Мы тоже заметили грозящий множеству миров ужас. Наша цель – равновесие существования, а задуманное Саргерасом превратит вселенную в руины, в царство хаоса. Все чистое, правдивое, верное, святое сгинет безвозвратно...

– Что вы... кто? – Велен, ошеломленный сиянием существа, даже не смог облечь вопрос в разумную форму.

– Мы – наару. Ты можешь звать меня К'уре.

– Наару... К'уре... – прошептал Велен и словно бы, произнеся, причастился их сокровенной сути.

– Страшное уже началось. Мы не в силах остановить его – твои друзья вольны в своем выборе.

Но ты потянулся к нам отчаявшимся сердцем, желая спасти доступное спасению. Потому мы сделаем, что в наших силах, – спасем тех, чьи сердца отвергнут ужас, предложенный Саргерасом.

– Что же мне делать? – Глаза Велена снова наполнились слезами, теперь уже от радости и новой надежды.

– Собери тех, кто прислушается к твоей мудрости. В самый долгий день года поднимись на высочайшую гору твоей земли, взяв кристалл Ата'мала с собою. Давным-давно мы дали его твоему народу, чтобы в нужное время вы могли отыскать нас. Мы явимся и унесем вас прочь.

На мгновение тень сомнений, зыбкая, словно пламя свечи, промелькнула в сердце Велена: ведь раньше он и не слышал никогда о созданиях света, называемых наару, а сейчас одно из них желает, чтобы Велен похитил драгоценнейшую реликвию своего народа. Подумать только, уверяет, что они подарили народу эредаров этот кристалл! Возможно, Кил'джеден с Архимондом не ошиблись, и видение Велена было всего лишь плодом страха.

Но пока сомнения одолевали разум, Велен понял – это всего лишь отзвуки горечи и желания вернуть все к прежнему согласию, гармонии и миру, царившим до прихода Саргераса.

Все, сомнений больше нет – он знает, что делать. Велен склонил голову перед исполненным света существом.

Первым Велен призвал самого древнего и доверенного союзника, Талгата, не раз помогавшего в прошлом. Теперь все зависело от Талгата, способного оставаться незамеченным там, где появление Велена неизбежно привлекло бы внимание.

Талгат сперва сомневался, но, когда Велен соединил разумы и показал картину темного будущего, убедился и сразу согласился помочь. Однако ничего про наару и обещанную ими помощь Велен не рассказал, поскольку не знал, как именно помогут светлые существа. Заверил лишь, что есть способ избежать злого рока, если Талгат доверится.

Длиннейший день года приближался. Пользуясь тем, что Кил'джеден с Архимондом думали только о Саргерасе, Велен со всей осторожностью и скрытностью прикоснулся к умам тех, кому доверял. Талгат тоже собирал народ. Затем Велен принялся сплести тончайшую магическую сеть вокруг обоих изменников, почитаемых когда-то друзьями, чтоб те не заметили лихорадочной активности у себя под носом. Работа шла быстро, но казалось – так недопустимо, предательски медленно.

Наконец работа завершилась, день настал, избравшие путь Велена взошли следом за ним на вершину самой высокой горы их древнего мира.

Осмотрелись – как же мало собралось, считанные сотни! Увы, позвать можно было лишь тех, кому Велен целиком доверял. Нельзя рисковать всеми, призвав того, кто способен предать.

Незадолго до восхождения Велен забрал кристалл из храма. Последние дни он провел, изготавливая копию, чтобы не поднялась тревога, когда кристалл исчезнет. Вырезал подделку из обычного хрусталя, заклил, наделив свечением, но фальшивка не отзывалась на прикосновение. Любой, коснувшийся кристалла, немедля обнаружил бы пропажу.

Настоящий кристалл Велен крепко прижал к себе, наблюдая за взбирающимися на гору эредарами – сильные копыта и руки легко находили опору. Многие уже добрались и теперь смотрели недоуменно, не решаясь, однако, озвучить вопрос.

Как же и куда они уйдут отсюда?

В самом деле... И Веленом на мгновение овладело отчаяние – но он вспомнил существ света, соединившихся с его разумом. Они придут, непременно!

А пока с каждым мгновением все опаснее: раскроют, найдут! Столь многие еще не прибыли, даже Талгат. Старый друг Ресталаан улыбнулся ободряюще:

– Скоро придут, вот увидишь!

Велен кивнул – скорее всего, друг прав, даже в последние дни Архимонд с Кил'джеденом вели себя как обычно, и не подозревая о дерзком плане. Оба слишком увлеклись предвкушением будущей силы. Но все же, все же...

Предчувствие, когда-то предупредившее о Саргерасе, снова всколыхнулось в сознании. Что-то не так! Велен нетерпеливо зашагал взад-вперед... Ага, вот они! Талгат со спутниками одолели подъем, замахали руками, приветственно улыбаясь, и Велен вздохнул с облегчением. Уже шагнул навстречу – но кристалл вдруг пробудился, и словно ледяной волной окатило Велена. Пальцы стиснули кристалл, а разум раскрылся – и он почувствовал окутавшее его отвратительное зловоние!

Саргерас не дремал, создавая чудовищный легион, превращая эредаров, легкомысленно доверившихся Архимонду и Кил'джедену, в омерзительных ман'ари. Тысячи чудовищ всевозможных форм и обликов залегли на склонах, укрытые неведомо как от разума и чувств Велена. Если бы не кристалл, он, возможно, и не заметил бы их, пока не стало бы слишком поздно. А может быть, уже слишком поздно!

Глянул, пораженный, на Талгата: зловонные миазмы исходили и от него, и от следовавших за ним! Из глубин отчаявшейся души взлетела мольба: «К'уре, спаси нас!»

Ман'ари ощутили, что обнаружены, кинулись вверх, будто голодные хищники на добычу. Но любая смерть лучше того, что эти обезображенные твари собрались учинить с оставшимися верными! Что же делать?

Вне себя, Велен поднял кристалл Ата'мала к небу – и то будто раскололось, явив столб ярчайшего белого света. Он ударил прямо в камень, расщепив его на семь разноцветных лучей. Боль обожгла Велена – кристалл взорвался в руках, острые грани врезались в пальцы. Охнув, он выпустил обломки – а те повисли, округлились, превратившись в шары, втянули в себя разноцветные лучи – каждый по одному, а затем устремились в небо.

Семь новых кристаллов – красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, пурпурный и фиолетовый, – вобравшие силу изначального белого света, закружились в вышине, создав сияющий купол вокруг перепуганных эредаров.

Во взгляде Талгата сверкнула неприкрытая ненависть, он бросился – и ударился о стену разноцветного света, отшатнулся, оглушенный. Велен оглянулся: повсюду ман'ари кидались, рыча, истекая слюной, драли когтями стену, созданную всего лишь из света, но защитившую верных.

Низкий тяжелый рокот сотряс гору, пробежал по телу, по костям и нервам. Велен глянул вверх, и – о диво превыше семи шаров света в этот день чудес! – с небес опускалась звезда, столь яркая, что нельзя было глядеть на нее. Но вблизи увиделось, что сияние исходило не от зыбкого небесного светляка, а от диковинного существа с мягкой округлой сердцевинкой – будто множество соединенных сфер, а по краям – прозрачные треугольные выступы, словно из хрусталя. Когда чужой голос коснулся разума, Велен заплакал.

– Я обещал – и я здесь. Приготовься покинуть этот мир, пророк Велен.

Тот протянул руки – почти как дитя, требующее любящих объятий матери. Шар над ним запульсировал, и Велен ощутил, как медленно поднимается, плывет вверх. Остальные тоже плыли, приближаясь к существу, бывшему, как внезапно понял Велен, исполинским кораблем, хотя и пульсирующим непостижимой жизнью. Снизу бесновались, ревели, визжали ман'ари, бессильные схватить ускользающую добычу. Основание корабля раскрылось, и спустя мгновение под ногами оказалась твердь. Велен встал на колени, наблюдая, как поднимается к кораблю его народ.

Ожидал: когда придет последний, люк закроется, и корабль, сотворенный из живого металла, бывшего, как он подозревал, сущностью К'уре, отправится в путь.

Но в сознании прозвучал шепот: «Возьми же кристалл, ставший семью, – он понадобится тебе».

Велен наклонился над люком, протянул руки – и кристаллы метнулись к нему, врезавшись в ладони с такой силой, что он охнул. Прижал к себе, не обращая внимания на невыносимый жар, исходивший от них, оттолкнулся от края. В то же мгновение люк исчез, будто и не было его. Сжав семь кристаллов Ата'мала, растерянный, недоумевающий, Велен застыл на мгновение между отчаянием и надеждой: что же будет? В самом ли деле спаслись?

Приведший войско Кил'джеден наблюдал с удовольствием, как рабы бесчисленной своей штурмуют гору. Уже радость победы, радость от зрелища поверженного врага посетила его, столь же сладкая, как утоление посеянного Саргерасом в душе хищного голода. Талгат хорошо исполнил порученное. Велена спасла лишь чистая случайность – повезло схватиться за кристалл в момент атаки. Если б не схватился, превратился бы в кучу мясных клочьев.

Но все же Велену повезло, Велен был предупрежден, и случилось непонятное: предателя окружила защита из света, а потом кто-то его забрал.

Станный корабль-спаситель померцал в вышине и растворился.

Удрал! Проклятье, изменник удрал! Ман'ари, чья радость наполняла душу Кил'джедена секунды назад, теперь были полны обиды и разочарования. Кил'джеден коснулся их разумов: нет, никто не понимает, в чем дело. Что же сумело увести предателя прямо из-под носа? Кил'джеден вдруг содрогнулся от ужаса: что же скажет господин?

– Что теперь? – спросил Архимонд.

Кил'джеден посмотрел на союзника и прорычал:

– Мы найдем его! Найдем и уничтожим, даже если это займет тысячу лет!

Глава 1

Имя мое – Тралл.

На языке людей оно означает «раб». У этого имени длинные корни, и почему оно было дано мне, рассказывать теперь я не стану. Благословением духов и силой крови героев, текущей в моих жилах, я стал верховным вождем моего народа – свободных орков – и предводителем союза племен и рас, ныне именуемых Ордой. О том, как это случилось, я расскажу в другой раз. Сейчас я хочу запечатлеть на пергаменте историю моего отца и тех, кто поверил в него, а также тех, кто предал – и его, и весь мой народ. Я спешу, ибо близится время еще живым героям этой истории уйти к великим предкам.

Что стало бы с нами, если б судьба повела другой дорогой, не сможет сказать даже мудрый Дрек'Тар.

Пути предначертанного многообразны, и едва ли наделенному разумом стоит пускаться по обманчиво легкой тропе, начинающейся с «если бы». Что было, то было, и мой народ с честью принял как славу, так и позор наших дел.

Эта история не о нынешней Орде – свободном союзе орков, тауренов, троллей, Отрекшихся и эльфов крови, – но о восстании первой Орды. Рождалась она, как всякое дитя, в крови и муках, и первые крики новорожденной означали смерть для ее врагов...

Но эта жуткая и кровавая история началась еще в далеком прошлом, среди пологих холмов и плодородных долин мирной земли, называемой Дренор.

Мерный барабанный рокот убаюкал почти всех младших орков, но Дуротан из клана Северного Волка не мог заснуть. Было тепло и уютно: промерзший земляной пол шатра устилал толстый слой соломы, спящих надежно укрывала от холода мохнатая шкура копытня. Соседи спали, а ему казалось: барабанная дробь висит в воздухе, катится по земле к самому телу, будоражит, зовет!

Как же хотелось откликнуться на древний зов, прийти к взрослым!

Дуротану остался еще год до инициации, до ритуала ом'риггор. А пока этот год будет тянуться, придется торчать вместе с детьми в большом шатре, пока взрослые у костров разговаривают о таинственном и важном. Поерзал на шкуре, вздохнул – нечестно-то как!

Орки не воевали между собой, но и не шибко дружили. У каждого клана были свои традиции, обычаи, одежда, легенды и свой шаман. Да и наречия порой отличались столь сильно, что оркам разных кланов приходилось говорить на общем.

И самим казалось, что отличаются друг от друга едва ли не сильнее, чем от еще одной разумной расы, делившей с орками изобилие лесов, полей и рек, – синекожими таинственными дреенеями.

Лишь дважды в год все орочьи кланы сходились, чтобы отметить священные дни равенств.

Праздник Кош'харг начался лишь прошлым вечером на восходе луны. Но уже несколько дней орки постепенно собирались в святом месте земли, называемой Награнд, земля Ветров, в тени благословенной Горы Духов, Ошу'гун. Праздник отмечали здесь с незапамятных времен, и никогда насилие не оскверняло этого места. Конечно, бывали ритуальные поединки и хвастовство воинов, но настоящего боя и крови не допускали – если и возникала потасовка, как бывает в большой толпе, шаманы примиряли всех и понуждали нарушителей спокойствия покинуть священное место.

А место и в самом деле было благословенно: плодородное, прекрасное, спокойное. Может, оно было таким, потому что орки приходили сюда только с миром – а может, суровая

красота этой земли и сама собой примиряла их? Дуротан часто размышлял о подобных вещах, но никому не рассказывал – ведь никто про такое не говорил.

Вздыхнул тихо, вовсе растревоженный, разбуженный. Сердце стучало в такт барабанной дроби, и мысли скакали. Как прекрасно было прошлой ночью! Когда Белая Госпожа поднялась над темной полосой леса, уже чуть ушибившаяся, но еще могучая, залившая ярким светом снега, боевой клич издали все собравшиеся, многие тысячи: мудрые старейшины, воины в расцвете сил, даже дети на руках матерей. И волки, друзья и соратники, носившие орков в битву на своих спинах, завывали радостно. И тогда, как сейчас рокот барабанов, огнем побежал по жилам Дуротана древний клич – приветствие сияющей Белой Госпоже, правящей ночным небом. К ней поднялся лес могучих смуглых рук, посеребренных ее светом. Если б какой глупый огр вздумал напасть – в мгновение сгинул бы под ударами свирепых и вдохновленных бойцов.

Затем начался пир. Множество зверей было убито заранее, до прихода зимы, мясо высушено, завялено, закопчено. А на праздник разожгли костры, чей теплый свет смешался с белым волшебным сиянием Госпожи, и запели барабаны, не смолкающие весь праздник. Детям – Дуротан фыркнул презрительно: тоже мне, ребенок! – позволяли наесться от пуза, но после того, как шаманы уйдут на гору, загоняли спать. Шаман каждого клана должен был взойти на Ошу'гун, стоявшую молчаливым стражем праздника, войти в пещеры и говорить с духами предков.

Ошу'гун впечатляла даже издали. Остальные горы были иззубренные, неровные. Ошу'гун же вырывалась из земли правильным конусом и походила на гигантский кристалл – так безукоризненны были ее очертания и так ярко сверкала она в солнечном и лунном свете. В легендах говорилось, что сотни лет назад она упала с неба. Видя ее необычность, в это можно было поверить.

Дуротан всегда считал, что шаманов обидели, заставляя весь праздник просидеть на горе. Конечно, может быть, там и интересно, но самая-то забава – внизу! А их лишают, будто малолетних.

Чего именно, интересно знать?

Днем охотились и разыгрывали охоты, поминали предков, рассказывали про их героизма и свершения. У каждого клана были свои легенды, и к уже знакомым, слышанным с детства преданиям Дуротан добавил изрядно новых, удивительных и зажигающих кровь.

Здорово было! Так что же эти взрослые обсуждают у костров, пока дети подремывают в палатках, набив животы хорошей едой, когда трубки выкурены и всевозможные настойки выпиты?

Все, дальше терпеть невозможно! Осторожно приподнялся, прислушиваясь: все ли спят? Выждал невыносимо долгую минуту, встал и пошел к выходу.

Медленно пошел, осторожно – детвора валялась тут и там, не ровен час, наступишь, разбудишь.

Сердце колотится бешено от возбуждения, а силуэты едва различимы в сумраке! Дуротан очень плавно, осторожно опускал длинные ступни, умещал, будто цапля на вязком берегу.

Пробирался целую вечность. Встал, стараясь совладать с дыханием, протянул руку – и коснулся чьего-то гладкокожего тела! Отдернул, выдохнул испуганно, зашипев:

– Ты что... что здесь делаешь?

– А ты что? – ответил вопросом незнакомец.

Дуротан усмехнулся – что за глупости оба несут!

– То же, что и ты, – сказал Дуротан тихо – вокруг ведь спали. – Ну и как теперь: делать будем, что собрались, или болтать попусту?

По силуэту ясно: встретился орк одного с Дуротаном возраста. Запах и голос чужие – точно, не из клана Северного Волка. Какая дерзость: не только нарушить запрет, уйдя из

палатки-спальни без разрешения, но и сообщником обзавестись из чужого клана! Незнакомец заколебался – должно быть, про то же самое думал. Наконец решился.

– Хорошо. Лучше делать.

Дуротан зашарил снова в темноте, нащупал полог, ухватил. Оба разом откинули – и шагнули в морозную ночь. Дуротан обернулся. Спутник оказался крепче и выше – да, неприятный сюрприз. Дуротан-то был самым высоким и крепким из сверстников в своем клане и не привык смотреть снизу вверх. Соратник по баловству тоже осмотрел Дуротана – и, видимо, остался доволен.

Сразу говорить не рискнули. Дуротан указал молча на большое дерево рядом с палаткой, и оба направились туда.

Безумие! Сейчас кто-нибудь из взрослых повернет голову, а луна сияет так ярко, свет отражается от снега – чуть не светлее, чем днем. А посреди снежного простора – дерзкий мальчишка, открытый всем взглядам... Как хрустит под ногами снег! Огры, и те ревут тише.

Наконец добрались до дерева, спрятались. Дуротан выдохнул шумно – всю дорогу ведь не смел дышать. Второй орк ухмыльнулся.

– Я – Оргрим, потомок Телкара по прозвищу Молот Рока, из клана Черной Горы! – прошептал юнец гордо.

Ого! Хотя род Молота Рока и не из вождей, но знаменитый и уважаемый.

– Я – Дуротан, сын Гарада, из клана Северного Волка, – ответил Дуротан. – И как тебе, Оргрим, узнать, что сидишь рядом с наследником вождя?

Тот кивнул одобрительно.

Посидели молча, наслаждаясь собственной дерзостью. Но Дуротан почувствовал, как холод и сырость заползают под толстый плащ из шкур, и встал. Указал молча на костры – Оргрим кивнул снова. Выглянули из-за дерева, прислушались – вот, сейчас услышат вождь-ленные тайны взрослых! Сквозь мерную барабанную дробь и треск огромного костра наконец различили голоса.

– Всю эту зиму шаман одной лишь лихорадкой и занимался, – говорил Дуротанов отец, Гарад.

Протянул руку, потрепал по загривку огромного белого волка, дремавшего у костра. Северный волк тихонько заурчал от удовольствия.

– Только один малый вылечится – тут же второй свалится, – добавил он.

– И я уж весны заждался, – сказал другой орк, вставая и бросая полено в костер. – И зверям нелегко пришлось. Когда готовились к празднику, копытней тяжело было отыскать.

– Клага варит чудесный суп из костей, – поведал третий, глаза на женщину, укачивающую младенца. – Да только рассказать не хочет, какие травы кладет.

Женщина – по-видимому, сама Клага – хихикнула.

– Вот маленькая станет взрослой и узнает, какие травы кладу, – сказала она, ухмыляясь.

У Дуротана челюсть отвисла. Глянул на Оргрима – тот тоже смотрел, ошеломленный. Вот этот треп настолько таинственный и священный, что детям из палатки выходить запрещают, а уж тем паче послушать? Унылые разговоры про лихорадку и суп – великая тайна?

В ярком лунном свете лицо Оргрима было хорошо различимо. И выражение на нем – тоже.

– Мы б с тобой придумали что-нибудь поинтереснее, – пробурчал Оргрим.

Дуротан ухмыльнулся, кивая – это уж точно!

Праздник тянулся еще два дня. И днем, и ночью Оргрим с Дуротаном выбирались тайком из палатки и состязались в силах и умениях: беге, лазании, поднятии тяжестей, равновесии – во всем, что только могли придумать. И побеждали друг дружку строго по очереди – будто договорились.

Когда в последний день праздника Оргрим позвал на последнее состязание – чтобы решить, кто же выиграл, – Дуротан вдруг брякнул:

– Хватит состязаться обыкновенно, как все! Давай сделаем то, чего наш народ никогда не делал!

– Что же? – Глаза Оргрима заблестели, он нетерпеливо наклонился.

– Давай станем друзьями, ты и я! – сказал Дуротан, сам толком не понимая почему.

Оргрим так и замер с открытым ртом.

– Но... но мы же из разных кланов! – выговорил он так, будто Дуротан предложил черному волку дружить с антилопой-талбуком.

– Да не важно это!.. Мы же не враги! Посмотри вокруг: кланы собираются вместе дважды в год, и вреда от того никакого.

– Хм, мой отец говорил: вреда и нету как раз потому, что мы так редко вместе сходимся. Потому и не воюем.

Оргрим нахмурился.

– Что ж, я думал, ты храбрее прочих, Оргрим, потомок Молота Рока, – сказал Дуротан с горечью. – А ты не лучше их – робкий, боязливый и на шаг не можешь отступить от заведенного.

Сказал это Дуротан по наитию, но даже если б неделями обдумывал, лучше бы выразить не смог.

Лицо Оргрима потемнело, в глазах засветилось бешенство.

– Я не трус! – рявкнул он. – Я ничего не побоюсь и тебе не уступлю, ты, выскочка из Северных Волков!

Прыгнул на Дуротана, сшиб с ног, и оба мутузились, пока не подоспел шаман и не выговорил обоим за драку в священном месте.

– Дерзкий мальчишка! – ворчала главная шаманка клана Северных Волков, древняя старуха по прозвищу Мать Кашур. – Тебя еще не поздно высечь как расшалившегося ребенка, молодой Дуротан!

Лечивший Оргрима шаман тоже бурчал недовольно. И хотя кровь все еще текла без остановки из Дуротанова носа, а Оргримов торс украсил длиннющий и страшный с виду порез, над которым хлопотал шаман, Дуротан усмехнулся – и Оргрим усмехнулся в ответ.

Так началось состязание, последнее, куда более важное, чем бег наперегонки и поднятие камней, и ни тот, ни другой не отступали, не признавали поражения. Никто не скажет, что дружба между орками разных кланов – неправильно! Дуротан чувствовал: это состязание завершится разве что со смертью одного из них. А может, не завершится и тогда.

Глава 2

Я помню, когда мы впервые встретили тауренов, помню сильный голос и спокойное лицо Кэрна Кровавого Копыта. Помню, как сидели в легкой палатке, из тех, что можно поставить и снять в считанные минуты, но ощущали себя почти как дома. Курили трубки, разделили еду и питье, чувствовали, как дробь барабанов отзывается в наших костях, и – говорили, говорили. Сперва таурены выглядели просто зверями – но оказались мудрыми и веселыми, и когда первый круг переговоров завершился, я уже знал: мы нашли в этих могучих существах редких и надежных союзников.

Пока мы говорили, на землю опустилась ночь – мягкая, теплая, под стать прекрасной земле, окружавшей нас. Мы вышли из палатки и посмотрели на бесчисленные звезды над головой. Легкий ветер ласкал наши лица. Я повернулся к Дрек'Тару спросить его мудрости – и удивился, заметив на лице слезы, блестевшие в лунном свете.

– Мой вождь, так жили и мы когда-то, – выговорил он скрипуче.

Поднял руки, запрокинул голову – чтобы обнять ветер, высушить слезы на зеленой коже.

Таковыми мы были: рядом с землей, с духами предков. Были сильными охотниками, любящими и заботливыми родителями. Мы знали свое место в мире – заслуженное, наше по праву. Мы понимали равновесие между «дать» и «взять». Магия тауренов – это простая магия земли, чистая и здравая. Земля отзывается им, как Дренор когда-то отзывался нам.

Я подумал о просьбе тауренов помочь им в борьбе с коварными, злобными кентаврами и сказал:

– Я сочувствую им. Помочь им в их войне – хорошее, доброе дело.

А Дрек'Тар воззрелся на меня мертвыми глазами, умеющими видеть в душах куда ясней и глубже многих живых, и рассмеялся:

– О, молодой Тралл! Неужели ты не понял?

Это они помогут нам.

Дуротан мчался со всех ног – молодых, сильных, проворных ног. Дышал тяжело, пот блестел на бурой коже, легкие горели огнем – но заставлял себя бежать. Было лето – бежал он босиком, шлепал большими плоскими ступнями. Под ноги стелилась мягкая трава, кое-где поднимал голову ярко-пурпурный цветок дассана – целебного растения. Когда наступал на цветок, вздымалась волна животворного запаха, подстегивая мчаться еще быстрее.

Уже оказался на краю леса Тероккар, уже ворвался в прохладные серо-зеленые глубины. Тут приходилось смотреть, чтоб не зацепиться за расплзшиеся, ветвящиеся, вздымающиеся над землей корни, и он замедлил бег. В глубине леса царил мягкий зеленоватый сумрак, такой спокойный, умиротворяющий. Но Дуротану нужно было не спокойствие, а победа! Чуть передохнув, он понесся еще быстрее, перепрыгивая через поваленные обомшелые стволы, проскакивая под низкими ветвями с грацией талбука. Длинные, до середины спины, черные волосы вились за ним, летели по ветру. Внутри уже спеклось все, мышцы кричали: пощади! Но Дуротан загонял свое тело до пределов. Он – из Северных Волков, наследник вождя, и никто из клана Черной Горы не сможет его одолеть...

Впереди послышался недурно исполненный боевой клич – вот же несчастье! Оргримову голосу, как и Дуротанову, было еще далеко до глубины и силы настоящего мужского тембра – но боевой клич Оргрима уже впечатлял. Дуротан приказал ногам двигаться еще быстрее – но те сделались будто каменные, не откликались. Вон он, уже рядом, вот Оргрим!

И тогда, выложившись целиком напоследок, он прыгнул вперед, обогнал! Но орк из клана Черной Горы вытянул руку – и умудрился коснуться одинокого дерева на поляне, избранного

целью гонки, раньше Дуротана. Затем ноги, еще двигавшиеся сами по себе, отнесли Орггрима на пару шагов от дерева. Дуротановы же ноги лишнего делать не стали – отказали мгновенно, и наследник Северных Волков рухнул лицом вниз на прохладную, сладко пахнущую мхом землю, судорожно хватая ртом воздух. Знал: встать надо, снова вызвать Орггрима на состязание, – но силы ушли, расточились. Так и остался лежать беспомощно.

Услышал – Орггрим тоже свалился без сил, пыхтя. Но вдруг перекатился на спину и захохотал. Дуротан – следом, оскалив недоросшие клыки. Лес Тероккар замолк испуганно, птицы и мелкое зверье затаились – наверное, приняли смех молодых орков за свирепый боевой клич, предварявший охоту.

– Ха, – гаркнул Орггрим, приподнимаясь и тыкая шутливо кулаком, – победить такого недоросля, как ты, – раз плюнуть!

– У тебя мышцы вместо мозгов! Умение так же важно, как и сила, – но что может клан Черной Горы знать про настоящее умение?

Все время задирались так – беззлобно, потехи ради. Оба клана сперва встревожились, прознав о дружбе, но Дуротаново упорство – если раньше никто не делал, это ведь не значит, что нельзя делать? – позабавило вождей. Да и оба клана, Северных Волков и Черной Горы, известны были спокойным, незадиристым нравом. Если б Дуротан решил подружиться с орком из клана Песни Войны или Костеглодов, отличающихся гордыней и недоверием к остальным, дружба не продержалась бы долго. Так что старшие в клане просто наблюдали, выжидая, пока новизна приестся и каждый юноша вернется на привычное место в привычном порядке, неизменном с незапамятных времен.

Но старших ждало разочарование. Холода поздней зимы сменились весенним теплом, затем расцвело лето – а дружба продолжалась. Дуротан знал: за ними наблюдают, но пока лишь наблюдают, не вмешиваясь, – какая разница?

Дуротан закрыл глаза, растопырил пальцы, погрузил их в прохладный мох... Шаман говорил: сила жизни течет во всем, все наделено духом. Шаманы умели слушать мир и говорить с самыми его основами, с землей, водой, ветром и огнем, с духом всего живого – и слышали биение жизни не только в земле, но и в мертвом на вид камне. А Дуротан ощущал всего лишь сыроватую прохладу мха и почвы под ним.

Вдруг земля содрогнулась! Поднялся, схватившись за оружие – шиповатую дубину, которую всегда носил с собой. Орггрим тоже схватился за оружие – железный молот с деревянной ручкой, обычное оружие орков из клана Черной Горы, упрощенную копию знаменитого молота – Орггримова будущего наследства. Орки переглянулись. Все и так понятно без слов: это огромный копытень, из чьей шкуры получают такие чудесные одеяла, а красное мясо может накормить весь клан. Хм, а может, и не копытень...

Кстати, а что живет-то в лесу Тероккар? Всего раз были тут раньше... Оба вскочили, всматриваясь в сумрак между тесно растущими деревьями, – теперь он казался зловещим. Что ж так шумит? Если копытень не слишком велик, может, вдвоем справятся его забить? Добычу поделят между кланами... Глянул на Орггрима – глаза того блестели от радостного предвкушения.

Бу-ум, бу-ум – хрясь!

Юноши вскрикнули от ужаса, отступили... Грохот приблизился, и дерево в нескольких шагах рассыпалось щепой! Перед орками явилось чудовище, с легкостью развалившее древнее неохватное дерево.

Тварь была огромна и вовсе не походила на копытня. А еще она тащила за собой дубину в орочий рост.

Тварь заметила орков, открыла рот и проревела что-то – вроде слово, но какое именно, Дуротан разобрать не смог. Оба орка кинулись наутек.

Ох, если бы не бежали глупо наперегонки, если бы в ногах осталось больше силы... ведь не успели еще отдохнуть! Но жить захочешь – и ноги быстрее зашевелиятся, даже загнанные донельзя!

Как же они умудрились так далеко забрести на территорию огров? И где их гронн? Дуротан представил, как повелитель огров пробирается через лес, валя деревья. Они огромные, эти гронны. Крупнее огров настолько, насколько огр крупнее орка, и куда уродливее. Чудовищные создания, больше от земной тверди, чем от плоти, жуткие, с одним налитым кровью глазом во лбу. Стоит такой над лесом и направляет огров на Дуротана с Оргримом...

А те еще не прошли посвящение, не могли вместе с воинами кланов участвовать в охотах на огров и тем более в редких опасных охотах на гроннов. Молодых допускали на охоту, считавшуюся безопасной, к примеру, на талбука. Дуротан всегда мечтал: когда-нибудь он, взрослый и сильный, отправится убивать жутких огров, добудет славу для себя и клана.

Но теперь исполнение мечты совсем не радовало. Земля тряслась, и в реве огра уже отчетливо различались слова: «Убить орк! Плющить! Ры-ы!»

От рыка чуть не лопались перепонки.

Огр приближался. Дуротан мысленно кричал ногам: «Быстрее! Быстрее!» Но оторваться от чудовища не мог – оно уже приблизилось настолько, что его тень заслоняла слабый свет, пробивавшийся сквозь кроны.

Лес поредел, посветлело – близилась опушка. Дуротан мчался изо всех сил. Выскочил из лесу, зашлепал по мягкой траве. Оргрим опережал, но ненамного. Отчаяние захлестнуло душу Дуротана, а следом – черная волна ярости. Ведь так и не стали взрослыми! Не сходили на первую настоящую охоту, не потанцевали у костра с женщинами, не омыли лицо в крови первой убитой в одиночку добычи... Столь многого еще не успели! Умереть смертью героя в битве – это одно, но быть прибитыми уродливой тварью – это не почетно, это попросту смешно!

Зная, что теряет драгоценные мгновения, но не в силах удержаться, Дуротан оглянулся, чтобы выкрикнуть последнее проклятие огру перед тем, как тот расплющит их в лепешку огромной дубиной.

И от увиденного отвисла челюсть.

Спасение явилось беззвучно, будто родилась из неба спокойная волна белых, голубых, серебристых тел и одежд. Знакомо заныли буравящие воздух стрелы, и в реве огра к ярости примешалась боль. Дюжины стрел – крохотных колючек на чудовищном белесом теле – помешали огру, замедлили смертоносный бег. Тварь взвыла, заскреблась, пытаясь выдрать колючее, болезненное.

Зазвенел ясный, сильный голос. Хотя и не понимая языка, Дуротан узнал слова силы, и волосы вздыбились на загривке. Вдруг повсюду засверкали молнии – но вовсе не похожие на те, какие вызывали шаманы. Белые, голубые, серебряные лучи вспыхивали вокруг огра, вились, сплетались в сеть – все тесней и тесней. Огр взревел снова – и рухнул тяжело, сотрясая землю.

И тогда дренеи, закованные в блестящую металлическую чешую, отражавшую разноцветье волшебных энергий, ослепившее Дуротана, спешили и подошли к павшему. Засверкали клинки, снова зазвучали слова силы, и Дуротан невольно закрыл глаза, чтоб не обезуметь от жуткого зрелища.

Наконец все стихло. Дуротан открыл глаза – огр был мертв. Глазищи остекленели, язык высунулся из разинутой пасти, тело испещрили кровавые раны и черные пятна ожогов. Тишина повисла такая глубокая, что Дуротан слышал прерывистое дыхание Оргрима – и свое. Переглянулись, ошеломленные. Конечно, оба и раньше видели дрениев, но лишь издали. Те являлись время от времени к тому или иному клану, выменивали тщательно изготовленные инструменты и оружие, красивые фигуры из камня на толстые шкуры лесных зверей, яркие тканые одеяла, руды и материалы, добытые орками из земли и скал. Такие встречи предвкушали – интересно было и выгодно, – но длились они недолго, всего по несколько часов.

Голубокожие, тихоголосые, жутковато притягательные дренеи были слишком чужими, странными. Ни один из вождей не предложил им остаться – погостить, разделить трапезу. Жили бок о бок друг с другом в мире, но без особой приязни – и обе стороны вполне устраивал такой порядок.

И вот глава отряда, столь неожиданно принесшего спасение, подошел к Дуротану. Лежа на земле, орк заметил никогда не замечаемое издали: ноги дрениев изгибались назад – будто у талбука! – завершаясь раздвоенными копытами, одетыми в блестящий металл доспеха. И еще у каждого был толстый безволосый хвост, покачивавшийся туда-сюда. Подошедший склонился над Дуротаном, протянул сильную синюю руку. Орк заморгал, глядя на странные ноги дрениев, на ящеричий хвост, и поднялся сам, не замечая руки чужака. Глянул в лицо, подивился голове, на макушке которой словно приросла пластина брони. Над разноцветной накидкой вились по ветру черные волосы и борода, пронзительные, яркие глаза были цвета замерзшего озера.

– Вы не пострадали? – спросил дрениев на ломаном общеоркском, с очевидным трудом выговаривая гортанные звуки.

– Только моя честь, – пробормотал Оргрим на диалекте своего клана.

Дуротану тоже было обидно. Да, жизнь-то спасли, и спасибо им. Но ведь видели двух героев-недорослей удиравшими со всех ног. Конечно, куда там драться – один удар огромной дубины сделал бы из каждого мокрую кучку. Но все же, все же...

Дрениев то ли не расслышал, то ли не понял, то ли не захотел показать – просто улыбнулся. Глянул на небо – и тут Дуротан уразумел, что солнце-то уже над самым горизонтом! Раз-два, и стемнеет!

– Вы забрели слишком далеко от дома, а солнце вот-вот зайдет, – сказал дрениев. – Из какого вы клана?

– Я – Дуротан из клана Северного Волка, а он – Оргрим из клана Черной Горы.

– Из разных кланов? – удивленно спросил чужак. – Вы, наверное, собрались драться, раз ушли так далеко от родных мест?

Оргрим с Дуротаном переглянулись.

– И да, и нет, – ответил Дуротан. – Мы – друзья.

– Друзья? Из разных кланов?

– Да. – Оргрим кивнул. – Это необычно... но ведь не запрещено, правда?

Дрениев кивнул, удивленный. Глянул еще раз на обоих, затем повернулся к спутникам, заговорил на своем языке – мелодичном, переливчатом, будто ручей журчит по камням или птицы поют в листве. Те слушали внимательно. Выслушав, один достал из-за пояса кожаную флягу, отпил глубоко и побежал на юго-восток, в сторону земель клана Северного Волка – гладкой, ровной, грациозной побегой, почти как у талбука. Второй же заспешил на восток, к землям клана Черной Горы.

Дрениев снова повернулся к оркам:

– Они оповестят ваши семьи, скажут, что вы здоровы и невредимы. Завтра вы вернетесь домой.

А пока я счастлив предложить вам гостеприимство дрениев. Мое имя – Ресталаан, я глава стражей Телмора – города, с которым торгуют оба ваших клана. К сожалению, я не помню ваших лиц – но, кажется, оркская молодежь побаивается и сторонится нас, когда мы приходим торговать.

– Я не боюсь никого и ничего! – прорычал Оргрим.

– Но ведь ты убегал от огра? – Губы Ресталаана чуть изогнулись в улыбке.

Лицо Оргрима потемнело, в глазах засветилась злость. Дуротан набычился – так и знал ведь, этот Ресталаан и его приспешники видели бегство и сейчас примутся насмехаться!

– Это бегство – не трусость, но мудрость, – продолжил Ресталаан, будто не замечая, как его слова действовали на молодых орков. – Если б вы не побежали, нам бы пришлось зав-

тра вместо двух здоровых молодых орков слать вашим кланам два трупа. Оргрим и Дуротан, послушайте меня: в страхе нет стыда. Стыдно должно быть лишь тогда, когда страх мешает сделать правильное. А в вашем случае бегство – единственно правильное.

– Скоро мы станем сильными! – Дуротан выпрямился горделиво. – Тогда огры будут бояться нас!

Ресталаан посмотрел на него – в лице вовсе не было насмешки. И к удивлению Дуротана, кивнул согласно.

– Да, конечно. Орки – могучие охотники.

Оргрим сощурился, ожидая издевки, но ее не последовало.

– Пойдемте, – предложил Ресталаан. – Ночью в лесу Тероккар встречаются твари, с которыми не совладать и стражам Телмора.

Хотя и усталый до невозможности, Дуротан таки управился бежать ровно и быстро – не хватало еще стать посмешищем дважды в один день!

Пока бежали, солнце окрасило горизонт алым, затем – густо-красным, пурпурным... На бегу поглядывал на чужаков – искоса, чтоб не показаться грубым. Так любопытно их видеть вблизи, всего в нескольких шагах. Ожидал, что вот-вот покажутся признаки близкого города: дороги, вытопанные множеством ног, светильники, указывающие путь в ночи, силуэты домов на фоне чернеющего неба. Но не увидел ничего – и под ложечку кольнуло страхом. Может, дремлет и не собирается помогать? Может, захватят в плен и потребуют выкуп? Или чего хуже: к примеру, принесут в жертву какому-нибудь злобному богу...

– Прибыли, – сообщил Ресталаан.

Встал на колени, пошарил среди иглицы и палых листьев. Оргрим с Дуротаном переглянулись озадаченно – ведь лес вокруг, ни домов, ни дорог – вообще ничего. Приготовились – пусть врагов и больше, но без боя не умрем!

Ресталаан вытащил прекрасный зеленый кристалл, заботливо спряятанный в обычном лесном мусоре. У Дуротана дыхание перехватило – таким чудесным, удивительным показался камень!

Так захотелось взять его в ладонь – ведь как раз по размеру! – ощутить кожей гладкость, мягкое тепло, странное живое биение... Знал откуда-то: из камня исходит покой и умиротворение, каких никогда до сих пор не чувствовал. Ресталаан произнес слова, каленым железом впечатавшиеся в Дуротанову память: «Кехла мен самир, солей лама каль».

Лес задрожал – будто не настоящий, а всего лишь отражение на озерной глади. Не сдержавшись, Дуротан охнул: мерцание усилилось, и – вокруг никаких деревьев, но лишь мощная дорога, ведущая по склону горы в невообразимо прекрасный город.

– Сейчас мы в самом сердце земли огров, – сказал Ресталаан, вставая. – Но когда город строился, огров еще здесь не было. Они пришли потом. Что ж, если они не видят нас – не могут и напасть.

– Но как? – выдохнул Дуротан.

– Простая иллюзия, ничего больше. Хитрость со светом, да...

В его голосе прозвучало что-то, от чего у Дуротана мороз пошел по коже. Видя удивление на лице орка, Ресталаан пояснил:

– Глазам не всегда можно доверять. Мы думаем: что видим каждый день, то правдиво. Но знающий способен управлять и светом, и тенью.

Произнеся слова и коснувшись кристалла, я изменил то, как свет падает на скалы и деревья, на все вокруг. И потому вы видите нечто целиком отличное от того, что видели ранее.

Дуротан все еще смотрел тупо, потрясенный.

Ресталаан усмехнулся.

– Пойдемте со мной, мои новые друзья! Пойдемте туда, где еще не бывал ни один из вашего народа!

Глава 3

Дрек'Тар не видел города дрениев в их расцвете, в их покое. Он увидел их лишь когда... Впрочем, не стану забегать вперед. Шаман говорил мне: отец шел по их сверкающим дорогам, ел их пищу, спал под их крышей, говорил с ними честно и открыто.

Даже сейчас нам тяжело понять и принять мир, столь отличный от нашего. Даже калдорайские земли перестали казаться мне столь чужими, когда я узнал про дрениев. Дрек'Тар говорил: у отца и слов не нашлось, чтобы описать увиденное. Быть может, живя на нашей теперешней земле, носящей его имя, увидев то, что видел я, он бы смог...

У сожаления горький вкус.

Дуротан и двинуться не мог от удивления – будто на него набросили сияющую сеть молний, как на огра, и поделать нечего. Застыл, глаза, даже рот открыл, не в силах переварить увиденное.

Город дрениев был воистину прекрасен! Врезанный, вотканный, вплетенный в склон горы, причудливое соединение металла и камня, естественного и рукотворного. Что именно видит, орк не понимал – но ощутил гармонию города, спокойную, величественную. Все в нем стремилось ввысь: скругленные, широкие снизу ступени, истончаясь и заостряясь, уводили к шарообразным жилищам. Одно напоминало раковину, другое – гриб. Сочетание форм и цветов поражало, а заходящее солнце подсветило багряным и алым, смягчило резкость линий, и в полумраке округлые очертания казались еще удивительнее.

Дуротан повернулся – и увидел ошарашенное Оргримово лицо и легкую улыбку на синих губах Ресталаана.

– Добро пожаловать, Оргрим и Дуротан! – произнес он.

Слова будто разрушили заклятие оцепенения, и Дуротан неуклюже шагнул вперед. Камень дороги был выглажен то ли временем, то ли руками дрениев.

Когда приблизились, он увидел, что город простирается высоко в гору. И там повторялся тот же прием: широкие массивные ступени понемногу истончались, приводя к изящным округлостям жилищ. К домам вели длинные улицы, мощенные чудесным белым камнем, вовсе не грязнящимся, не тускнеющим, несмотря на то, что со времен прибытия дрениев прошла жизнь по меньшей мере десятка орочьих поколений.

Вместо шкур и рогов убитых на охотах животных дрение украсили город дарами земли: повсюду сверкали самоцветы и виднелись изделия из легкого бурого металла, не похожего ни на что, известное Дуротану. Орки знали металлы, ковали и плавил их, делая орудия боя и труда. Дуротан и сам помогал на охоте топором и мечом.

Но этот металл...

Прошли сквозь ворота, встречаемые и провожаемые любопытствующими взглядами жителей – вполне доброжелательными взглядами.

– Из чего сделан твой город? – спросил Оргрим, впервые подавший голос с тех пор, как оба орка присоединились к компании дрениев.

– Из многого, – ответил Ресталаан добродушно. – Мы – путешественники, новички в вашем мире.

– Новички? – спросил Дуротан. – Твои люди прибыли сюда больше двух сотен лет назад. Мы, орки, были совсем другие тогда.

– Да, другие, – с готовностью согласился Ресталаан. – Мы наблюдали, как орки возрастали силой, умениями и способностями. Вы нас очень удивили.

Дуротан понимал, что сказанное лестно – но все же был у этих слов нехороший привкус... Будто бы дрение считали себя лучше, выше орков.

Обида промелькнула – и исчезла, будто бабочка крылом коснулась.

В самом-то деле тут только за себя постыдиться. Никакой оркский шатер ни таким причудливым не бывает, ни таким красивым. Но с другой стороны, орки ведь не дренеи. Оркам и не нужно, и неохота жить как они.

– Я отвечу на твой вопрос, Оргрим, – сказал Ресталаан. – Прибыв сюда, мы использовали все, имевшееся у нас, чтобы построить города. Я знаю, ваш народ умеет строить лодки, плавают на них по рекам и озерам. Так вот, мы приплыли на лодке, способной перемещаться по небу. Она была сделана из разных материалов. Когда мы поняли, что здесь – наш новый дом, мы взяли часть их и использовали в строительстве.

А, так вот откуда этот непонятный металл, будто смешанный из меди и кожи! Дуротан замер, изумленный...

– Ты лжешь! – буркнул Оргрим. – Металл не может летать!

Орк бы за такое хамство надавал Оргриму оплеух – увесистых оплеух, чтоб надолго запомнилось. А дренией только рассмеялся.

– Если не видеть, как призывают стихии, чтоб с огром биться, тоже ведь не поверишь, а?

– Это не то. – Оргрим фыркнул. – Это магия!

– И это своего рода магия, – заключил Ресталаан.

Затем подозвал одного из спутников, сказал что-то на своем языке – тот кивнул и поспешил вперед.

– Я хотел бы, чтоб вы кое с кем встретились – если он не слишком занят, конечно, – сообщил Ресталаан.

У Дуротана на языке вертелась тысяча вопросов, но задать их он боялся, чтоб глупцом не выглядеть. Оргрима ответ про магию, кажется, удовлетворил, он тоже голоса не подавал. Но оба то и дело озирались по сторонам, глазели удивленно.

На улице встретили много прохожих, среди них – девушку вроде бы одного с орками возраста, изящную, но высокую. Когда Дуротан заглянул ей в глаза, та испугалась. Но потом, улыбнувшись, кивнула робко. Дуротан улыбнулся в ответ и, не задумавшись почти, спросил:

– На наших стойбищах много детей. А где же дети дрениев?

– У нас их мало, – ответил Ресталаан. – Мы живем очень долго, поэтому дети у нас рождаются редко.

– Как долго? – спросил Оргрим.

– Очень, – ответил Ресталаан сухо. – Достаточно сказать, что я помню, как мы прилетели сюда.

Оргрим уставился на него, на лице – сплошь недоверие. Дуротан хотел локтем ткнуть – ну, невежливо ведь! – но тот отошел слишком далеко. И понял вдруг: да та девушка, с виду сверстница, может быть, намного, намного старше.

Вернулся посыльный Ресталаана, сообщил что-то – и услышанное, по-видимому, того порадовало. Дренией сказал оркам, улыбаясь:

– Пророк Велен, приведший нас в этот мир, наведалься погостить в наш город на несколько дней. Я подумал: возможно, он захочет увидеть вас – у нас не часты подобные гости. Мне очень приятно сообщить вам, что пророк не только согласился принять вас, но и пригласил погостить у него этим вечером, отобедать с ним и переночевать под крышей главы города. Это очень большая честь.

Орки онемели. Обедать с пророком, вождем всех дрениев? Эх, лучше б тот огр расплющил их дубиной...

Двинулись послушно за Ресталааном по извилистым улочкам, ведущим от подножия горы до большого здания, возвышающегося над городом. Твердым, идеально ровным ступеням, казалось, нет счета – Дуротан изрядно запыхался.

Наконец добрался, встал, рассматривая с любопытством похожее на улиточью ракушку строение, а Ресталаан позвал:

– Оглянитесь!

Орки подчинились – и снова замерли, не в силах и дохнуть. Под ними, будто россыпь самоцветов на лугу, лежал город дренеев. Последние лучи заходящего солнца расцветили его оттенками пламени. Затем солнце зашло, на город легли пурпурные и серые тени, а их пронзили огни, зажегшиеся в домах. Будто звезды с небес присели на землю.

– Мне не хотелось бы хвастаться, но я горжусь моим городом и народом, – сказал Ресталаан. – Нам пришлось нелегко, но мы полюбили Дренор.

Я никогда не думал, что выпадет сказать об этом орку. Пути судьбы воистину неисповедимы.

На сильном лице его отразилась глубокая, древняя печаль. Но ненадолго. Улыбнулся снова и позвал:

– Пойдемте, вас ждут!

Молча, пораженные до немоты, впитывая жадно виды, запахи и звуки чужого города, молодые орки ступили следом в дом главы города. Зашли в комнату, причудливо изукрашенную, прекрасную, но оставлявшую странное ощущение клетки.

Изогнутые стены, изнутри не менее изящные и красивые, чем снаружи, казалось, замыкали в себе, давили. В чашах лежали фрукты – бери и ешь!

Для орков была приготовлена причудливая одежда, а посреди комнаты стояла красивая лохань с водой, такой горячей, что аж парила.

– Чтоб пить – слишком горячо, а чтоб отвар делать – слишком много, – определил Дуротан.

– Это чтобы мыться, – ответил дрений.

– Мыться?

– Удалять грязь с тела.

Оргрим глянул с подозрением – нет, кажется, этот Ресталаан серьезно говорит.

– Мы не моемся, – проворчал орк сердито.

– Но мы плаваем в реках летом, – заметил Дуротан. – Может, это похоже.

– Вам не нужно делать ничего неудобного или неприятного для вас, – сказал Ресталаан. – Ванна, еда, питье – все здесь для вашего удовольствия. Пророк Велен встретится с вами через час. Я приду и позову вас тогда. А сейчас нуждается ли вы в чем-либо?

Орки замотали головами. Ресталаан кивнул и скрылся за дверью. А Дуротан глянул на Оргрима.

– Как думаешь, мы в опасности?

Тот посмотрел на странную одежду, на ванну.

– Вряд ли. Но... будто в пещере какой. Я б в палатке лучше.

– Я б тоже.

Дуротан подошел к стене, потрогал изогнутую поверхность. Под пальцами – прохладная гладь.

А ожидал, что окажется теплой, живой, что ли...

Указал на воду:

– Хочешь попробовать?

– Не-а, – ответил Оргрим.

Оба рассмеялись, но все же ополоснули лица и обнаружили, что горячая вода очень даже приятна. Затем поели фруктов, попили воды и решили сменить свои засаленные, измызганные рубахи на дренийские тканые сорочки, но кожаные штаны переодевать не стали.

Время прошло быстрее, чем ожидали. Как раз принялись состязаться – кто сумеет погнуть ножку кресла? – когда в дверь тихонько постучали.

Оба вскочили, потупились виновато – Оргрим таки управился погнуть, и ножка теперь выглядела криво.

– Пророк ждет вас, – сообщил Ресталаан.

«Вот – Старейший!» – подумал Дуротан, увидев Велена. Другие дренеи тоже были необычны, но Велен выглядел куда удивительнее прочих.

Пророк был на голову выше самых рослых стражей города, хотя казался не столь сильным. Его тело, одетое в мягкие, легкие одежды, казалось тоньше, не столь мускулистым. А кожа светилась удивительной, теплой алебастровой белизной!

Глаза же, глубокие, мудрые, сияли яркой синевой, и окружали их морщинки. Велен, должно быть, не просто Старейший – но глубокий, древний старик. Серебряные его волосы не лежали на плечах, а были причудливо заплетены, собраны в пучок на голове. Борода спускалась серебристой волной почти до пояса.

«Не Старейший и даже не древнейший старик, – подумал Дуротан, когда искристо-синие, пронзительные глаза глянули в самую душу, – кажется, время вообще не властно над ним».

Ресталаан говорил, что прожил больше двух сотен лет – а ведь Велен намного, намного старше.

– Добро пожаловать! – произнес Велен мягко, вставая, кивая в знак приветствия.

Волосы его колыхнулись в такт движению.

– Я – Велен. Я рад, что мои люди наткнулись на вас сегодня, хотя не сомневаюсь, что через несколько лет вы станете более чем способными совладать с огром или даже с парой гроннов сами.

И снова у Дуротана возникла странная уверенность – это не просто вежливые слова. И Оргрим ощутил это – выпрямился горделиво, глянул в глаза дренея как равный.

Велен указал – садитесь. Дуротан ощущал себя очень неуклюже и неловко, сидя в резном изукрашенном кресле за прекрасно убранном столом. Лишь когда принесли еду, почувствовал себя лучше – нога талбука, жареные белоперки, большие ломти хлеба, овощи грудками на тарелках – знакомая, понятная еда. Почему-то ожидал вовсе диковинного, незнакомого. Но если подумать – с какой стати? Пусть и строения их, и уклад жизни были совсем не похожи на оркские, но, как и орки, дренеи питались дарами земли. Разве что манера готовить отличалась: орки или варили еду, или жарили на открытом огне, когда вообще решали готовить. Частенько мясо ели сырым. Но, пусть привычно приготовленная или нет, еда – это еда, а эта была восхитительна!

Велен оказался замечательным хозяином: много расспрашивал, искренне интересовался ответами. Когда юношам позволено охотиться на огров? А когда – выбирать жену? Какая еда у них любимая? А какое оружие?

Оргрим разгорячился, разговорился больше Дуротана, принялся рассказывать про свои подвиги. Правда, приукрашивать ему не пришлось – Оргримовы дела и без того внушительны.

– Когда мой отец уйдет к предкам, Молот Рока перейдет ко мне! – объявил Оргрим с гордостью. – Это древнее, благородное оружие. Оно всегда переходит от отца к старшему потомку!

– В твоих руках он замечательно послужит, – заметил Велен. – Но, надеюсь, пройдет еще много лет, прежде чем Молот Рока перейдет к тебе.

Кажется, необходимость отцовской смерти для того, чтобы молот попал к Оргриму, в голову молодому орку не приходила. Потому тот приуныл и замолк. А Велен улыбнулся, но в улыбке его виделась грусть. Сеть тонких, едва заметных морщинок появилась на алебастровой коже – будто тончайшая паутинка.

– Опиши этот молот. Кажется, это воистину могучее оружие.

Оргрим оживился снова.

– Он огромный! Сам молот – из камня, тяжелого, округлого, мощного, а рукоятка – из особо выделанного дерева. За годы рукоять много раз приходилось менять, но на самом камне – ни царапины! Его зовут Молот Рока потому, что, когда его поднимают в битве, врагов настигает рок!

– Теперь понимаю, – промолвил Велен, все еще улыбаясь.

Оргрима уже было не остановить.

– Но есть еще другое пророчество: сказано, что последний из рода Молота Рока принесет сперва спасение, а после гибель народу орков. Но затем оружие снова перейдет к орку, не важно, из какого он будет клана, и еще послужит делу справедливости.

– Это сильное пророчество, – заметил Велен.

Ничего больше не сказал, но Дуротана бросило в дрожь. Ведь Велена называют пророком. Может, он знает, исполнится ли пророчество Молота Рока? Но ведь и спросить боязно...

Оргрим все заливался, расписывая в мелочах Молот Рока. Дуротан, оружие это видевший часто, слушать болтовню перестал, думая о Велене.

С чего бы подобное создание заинтересовалось молодыми орками?

Дуротан был намного наблюдательнее и чувствительнее сверстников. Подслушав родительские разговоры, знал: они этим встревожены. А Мать Кашур только фыркнула – мол, оставьте парня в покое, чему быть, того не миновать. Дуротан умел отличить настоящий интерес от деланного и был уверен: у дрениев тоже сумеет отличить, как и у орков. Но в ясных синих глазах Велена, в алебастрово-белом, уродливом, но открытом лице читалось неподдельное любопытство. Вопросы его были искренними – он хотел побольше разузнать об орках. И чем больше узнавал, тем печальнее становился.

«Если бы только Мать Кашур оказалась здесь вместо меня и Оргрима, – подумал Дуротан вдруг. – Ей бы это куда полезней, чем нам. И узнала б она куда больше».

Когда Оргрим закончил описывать подвиги и Молот Рока, Дуротан спросил:

– Пророк, не могли бы вы рассказать нам о вашем народе? Мы знаем так мало. Думаю, за последние пару часов я узнал больше о дрениех, чем весь мой народ за последнюю сотню лет.

Велен глянул на молодого орка – и тому захотелось укрыться, спрятаться. Не из-за страха, а потому, что никогда еще он не ощущал себя таким открытым, увиденным насквозь.

– Молодой Дуротан, мы никогда ничего не скрывали. Но, полагаю, ты – первый, кто захотел спросить. Что ты желаешь узнать?

Тот хотел сказать: «Все». Но сделал над собой усилие и задал вопрос поуже:

– Орки стали встречать дрениев лишь двести лет тому назад. Ресталаан говорил: вы были на большой лодке, способной летать по небу. Расскажите мне про это!

Велен отхлебнул напитка, на Дуротанов вкус казавшегося настоящей сущностью теплого, плодородного лета, улыбнулся.

– Начнем с того, что дрениеи – это не истинное наше имя. Дрениеи – значит изгнанники.

Дуротан раскрыл от удивления рот.

– В нашем мире не стало согласия. Мы отказались продавать себя в рабство и за это были изгнаны. Много времени прошло, прежде чем мы нашли подходящее жилище – землю, которую смогли бы назвать нашим домом. Этот мир мы полюбили и назвали его Дренор.

Дуротан кивнул – он и раньше слышал это слово. Ему нравилось его звучание, его ощущение – а орки обозначали место, где жили, просто словом «мир».

– Это наше имя, и в высокомерии своем мы и не подумали, что орки тоже примут его. Но так уж случилось, и это имя перестало быть только нашим. Мы очень любим этот мир. Он прекраснее всех виденных нами миров – а их мы повидали достаточно.

– Много миров? – выдохнул Оргрим.

– Да. И встречали много народов.

– Похожих на нас?

– Подобных оркам мы не встречали, – сказал Велен, улыбнувшись, и в голосе его прозвучало уважение. – Вы уникальны.

Орки переглянулись, выпрямились горделиво.

– Мы немало постраниствовали, прежде чем найти эту землю. И вот мы здесь, и теперь это наш дом.

Дуротану не терпелось спросить еще: как долго путешествовали, как выглядел их родной мир, почему пришлось убегать. Но в застывшем вне времени лице пророка дрениев увиделось: хоть спрашивать и позволено, об этом вождь народа изгнанников не расскажет. Потому вместо того он спросил, как дрение делают оружие, какова их магия.

– Наша-то магия – от земли, – пояснил орк, – от шаманов наших и от предков.

– Наша магия происходит из другого. Думаю, вы не поймете моих объяснений.

– Мы не глупцы! – обиженно буркнул Оргрим.

– Простите, я вовсе не это имел в виду, – тут же извинился Велен, и извинение это прозвучало искренне и даже лестно. – Ваш народ мудр, а вы двое – весьма сообразительны. Но мне кажется, в вашем языке попросту нет подходящих слов. Я не сомневаюсь, если б вам дать время, если б у вас были подходящие слова, вы бы поняли.

Даже сейчас, объясняя, он подбирал слова. А Дуротан подумал о магии, способной спрятать целый город, о странном мягком металле, непостижимо сплавленном с драгоценными камнями и горной породой, и понял, что Велен прав. Еще не родился орк, способный понять все это за один вечер, хотя, несомненно, Мать Кашур многое бы сумела постичь если не рас­судком, так нутром.

Ну почему же орки и дрение почти не общаются друг с другом?

После разговор зашел о вещах попроще и пообыденней.

Орки узнали, что в глубине леса Тероккар есть место, священное для дрениев, – Аукиндон. Там упокаивали мертвых, предавали земле, вместо того чтобы сжигать на погребальных кострах. Дуротан посчитал это весьма странным, но удивления своего выражать не стал. Телмор был ближайшим к месту упокоения городом, и Велен прибыл сюда с грустной миссией – проводить в последний путь тех, кто погиб в битве с тем самым огром, погнавшимся за орками.

Обычно Велен жил в прекрасном месте, называемом храмом Карабора. Были и другие города дрениев, наибольший – на севере, в земле Шаттрат.

Когда наконец обед завершился, Велен вздохнул, глядя на стол перед собой, но, кажется, мысли его были отнюдь не о еде.

– Прошу простить меня, – сказал он, поднимаясь. – Сегодня был утомительный день, а мне нужно еще поразмышлять перед сном. Для меня было честью встретиться с вами, Дуротан из клана Северного Волка и Оргрим из клана Черной Горы. Надеюсь, сон ваш окажется здоровым и глубоким под защитой наших надежных стен, где ранее не бывал ни единый из вашего народа.

Орки поднялись и поклонились. Велен улыбнулся – и в улыбке его снова проскользнула странная печаль.

– Мы еще увидимся, молодые воины. Спокойной ночи!

Вскоре орки покинули обеденную залу. Их провели в спальню, и там они в самом деле хорошо и здорово выспались. Правда, Дуротану привиделся во сне старый орк, сидящий спокойно рядом, – непонятно к чему и зачем.

– Приведи его! – приказал старик Матери Кашур.

Та – старейшая шаманка клана Северного Волка – спала глубоким сном. Как подобает старейшей и мудрейшей, ее шатер уступал в изукрашенности и роскоши лишь шатру Гарада, вождя клана. Толстые ковры из шкуры копытня спасали ее старые кости от холода земли, верная и любящая внучка ухаживала, убирала, готовила и запасала дрова на случай холодов для

«матери клана». Обязанностью Матери Кашур было слушать ветер, воду, огонь и траву и каждый вечер пить горький травяной отвар, открывавший разум духам предков. Она собирала знание для клана так же, как другие собирали плоды и валежник, и тем была не менее полезна.

Старик приходил не в яви – но не был пустым видением сна. Он был настоящий. Во сне Кашур становилась юной и гибкой, смуглая, гладкая кожа лоснилась здоровьем, бугрилась сильными мышцами. Старый же орк оставался в возрасте своей смерти, когда его мудрость достигла вершины. При жизни его звали Тал'краа, но, хотя его отделяли от Кашур много поколений, она звала его попросту Дед.

– Ты получила послание, – сказал во сне Дед молодой роскошной Кашур.

Она кивнула, и пышные темные волосы колыхнулись волной.

– Он и парнишка из Черной Горы у дренеев. С ними все в порядке, я это чувствую.

Дед Тал'краа кивнул, и его отвисшая клыкастая челюсть колыхнулась. Дедовы клыки были желтые, стертые, а один обломан в давно забытой битве.

– Да, они в безопасности. Приведи мне его!

Мать уже второй раз слышала этот приказ, но пока не поняла, в чем дело.

– Ему время идти к горе, когда деревья стряхнут листву на зиму. Тогда я, конечно, приведу его.

Тал'краа потряс головой свирепо, карие глаза сощурились в гневе. Кашур еле удержалась, чтоб не улыбнуться, – из всех духов, почтивших ее визитами, Дед был чуть ли не самый нетерпеливый.

– Нет, нет! Приведи его к нам, в пещеры Ошу'гуна. Я там на него посмотрю.

– Ты... ты хочешь, чтоб я привела его встретить предков?

– Разве не этого я только что просил? Глупая девчонка! И что теперь с шаманами делается?

Дед частенько закатывал подобные сцены, ничуть Мать Кашур не тревожившие. Но его требование ошеломило. Изредка случалось, что духи предков требовали привести к ним дитя. Обычно это значило, что ребенку уготована стезя шамана. Но едва ли она уготована Дуротану – вожди редко бывают шаманами, слишком многое и разное нужно для этого. Слушать волю предков и объявлять свою народу – слишком много для одного орка. Тот, кто хорошо справится с тем и с другим, будет воистину великим.

Не услышав ответа, Дед зарычал, грохнул посохом оземь – Кашур аж подпрыгнула.

– Конечно, я приведу его на день посвящения во взрослые, – заверила Кашур поспешно.

– Поняла наконец, – завопил Тал'краа, грозя посохом. – Не приведешь, я по твоей голове им постучу, а не по бедной невинной земле!

Но маску свирепости на лице не удержал, улыбнулся напоследок, и Кашур, уже закрывая во сне глаза, улыбнулась в ответ. Хоть Тал'краа и злился, и вспыхивал легко, но на самом деле был мудрым и добрым и очень любил Кашур. Хотела бы она встретить его вживе – но он умер больше ста лет назад.

Мать открыла глаза в яви и вздохнула, вернувшись в настоящее тело – такое же старое, как тело Тал'краа, каким тот являлся в видениях. Больное тело, слабое, с распухшими, болящими суставами, с побелевшими волосами. Знала сердцем: скоро уже время покинуть брентную оболочку в последний раз и уйти к предкам на священную гору. Тогда Дрек'Тар, ее ученик, станет главным советником Гарада и клана Северного Волка. Надежный, хороший шаман. Оставив клан в его руках, можно смело идти к предкам – и поскорей бы!

Хорошо избавиться от земной немощи. Хотя послушаешь птичий гомон за стеной шатра, согласишься на солнечные зайчики, и поймешь – будет не хватать простых радостей жизни: птичьего пения, горячей похлебки, заботливого касания внучки.

«Приведи его!» – приказал Дед.

Что ж, она приведет.

Глава 4

Прошлой ночью, когда полная луна и звезды, казалось, мерцали в знак одобрения, один наш юноша был посвящен во взрослые. Мне впервые случилось участвовать в ритуале ом'риггор. В молодости я не мог жить по обычаям моего народа, следовать его традициям, исполнять ритуалы. Да и по правде говоря, никто из орков не мог – слишком долго не мог. Тропа судьбы привела к войне, поглотившей меня целиком. А ведь я как раз хотел защитить свой народ, его обычаи и его правду от Пылающего Легиона, найти место, где мой народ смог бы жить по обычаям предков, без войны и страха, – и как же далеко ушел я от того, что хотел защитить!

Но теперь уже есть Дуротар и Оргриммар, теперь установлен мир – пусть и зыбкий. Теперь шаманы вспоминают обычаи древности, растет и взрослеет молодежь, и ей, если пожелают того духи предков, уже не доведется узнать пепельного вкуса войны.

Прошлой ночью я был частью ритуала, пришедшего из глубины времен, ритуала, недосягнутого целому поколению. Прошлой ночью сердце мое наполнила радость и единение со всеми живущими – чувство, которого не хватало так долго.

Дуротан смотрел на талбука, и сердце колотилось в груди. Могучий зверь, достойная добыча и рога его – не просто украшение, но острое, опасное оружие. Дуротан уже видел воина, убитого такими рогами, пропоротого, вздетого на дюжину отростков, словно на копья.

А на охоту вышел с одной лишь секирой и без доспехов.

Конечно, шептали всякое. Когда сидел в палатке с завязанными глазами, слышал: дескать, любой талбук сгодится, бойцы они свирепые, но в это время самцы сбрасывают рога. Другие шептали: конечно, лишь единственное оружие позволено нести с собой, Дуротан, сын Гарада, но никто не помешает спрятать доспехи в глухомани, никто ведь не узнает. И самый стыдный шепоток: шаман определит успех охоты, пробуя кровь на твоём лице, а кровь давно умершего талбука на вкус точь-в-точь как свежая.

Он не обратил внимания на шепотки. Может, кто из орков и поддался искушению – но не он.

Дуротан выищет самку, пышнорогую в это время года, возьмет лишь дозволенное оружие и украсит свои щеки кровью убитого зверя, свежей, парящей на морозе!

И вот он стоял, дрожа от холода в слишком раннем снегу, и топор делался все тяжелее в руках.

Но не отступил.

Выслеживал стадо талбуков два дня, питаясь лишь тем, что смог собрать, разводил в сумерках убогие костерки, отсыпался, где придется. Тут позавидуешь Оргриму – он летом родился и уже прошел ритуал посвящения. Думал – ранней осенью тоже не слишком тяжело окажется, но зима явилась раньше времени, суровая и морозная.

И стадо талбуков будто насмеялось. Легко находил их следы и навоз, видел, где разгребали снег, отыскивая жухлую траву, где грызли кору с деревьев. Но сами всегда оставались вне видимости.

И лишь к вечеру третьего дня предки решили вознаградить за упорство. Уже смеркалось, и Дуротан с отчаянием подумал о третьем безрадостном ночлеге после третьего бесплодного дня. И вдруг понял, что катышки навоза под ногами не смерзлись до каменности, а свежие!

Стадо близко!

Тогда он побежал, давя меховыми сапогами скрипучий снег, и новое тепло заструилось в жилах. Вот он, след! Вперед, на холм, а за ним – вот они, великолепные звери!

Спрятался за большим валуном, выглянул: ишь, еще не перелиняли, бурые на белом снегу.

Дюжины две, а то и больше, самки в основном.

Конечно, стадо – это хорошо, но как одну-то от стада отбить? Талбуки – твари необычные, своих защищают. Нападешь на одну, другие кинутся на помощь.

Обычно охотников сопровождали шаманы, чтоб отвлечь зверей. А Дуротан был один – такой уязвимый и бессильный перед целым стадом...

Хватит, ну, рассопливился! Три дня ведь искал, и – вот они! Этой ночью или попробую свежатинки, целую ногу сожру с голодухи, или останусь в снегу коченеть, уже трупом!

Хотя тени становились все длиннее, выждал, понаблюдал как следует – торопиться нельзя, себе дороже. Талбуки – твари дневные. Вон, норы копают, чтоб на ночь устроиться. Знал, что такое делают, но чтоб тесно, прям друг к дружке вплотную... Как же одну отбить-то? Эх...

Ага, вон самка поодаль, видно, игривая слишком. Молодая, здоровая, летом отъелась травой и ягодами, и неймется ей. Топают, головой трясет – а рога роскошные! – чуть ли не танцует вокруг остальных. И жаться не хочет к ним, вместе с парочкой таких же пристроилась снаружи шерстистого комка тел.

Дуротан ухмыльнулся: спасибо, духи, за подарок! Добрый знак – самая бодрая, здоровая самка в стаде решила не следовать бездумно старшим, но сделать по-своему. Конечно, жаль, что расплатой за молодую дерзость будет смерть, но зато дерзкий молодой орк станет взрослым. Почет и слава одному – смерть другому, так духи уравнивают сущее. По крайней мере, так взрослые говорят.

Дуротан выжидал. Солнце ушло за горы, и сумерки сгустились в темень. Вместе с солнцем ушло и зыбкое последнее тепло, а Дуротан все выжидал с терпеливостью настоящего хищника. Наконец и старшая в стаде улеглась: подогнула длинные ноги, примостилась рядом с товарками.

Тогда Дуротан двинулся. Закоченелые ноги чуть шевелились – едва не упал. Выбрался из убежища, зашел в низ, не спуская глаз с дремлющей молодой самки. Та склонила голову, изогнув длинную шею, сопела мерно. Из ноздрей вырывались облачка пара.

Медленно, со всей осторожностью приблизился к добыче. Уже не чувствовал ни холода, ни усталости – только близкую, такую близкую удачу, кровь, победу! Еще ближе, еще – а она все дремлет.

Поднял секиру. Ударил.

Она открыла глаза, попыталась вскочить – но смерть уже взяла свое. Дуротану захотелось испустить боевой клич – тот самый, какой много раз слышал от отца, – но он вовремя прикусил губу.

Не хватало еще, едва победив талбука, быть затоптанным в отместку целым стадом. Секира, заточенная до бритвенной остроты, прошла сквозь толстую шею и хребет, как сквозь масло. Брызнула кровь, оросила орка липкой теплотой. Тот улыбнулся: помазание кровью убитого талбука – часть ритуала. А талбук постарался за него – добрый знак!

Хоть и подкрался тихо, и убил с одного удара, стадо все равно проснулось. Тогда орк повернулся, вдохнул полной грудью и, уже не сдерживаясь, испустил боевой клич, от которого кровь в жилах стынет. Поднял секиру, чей блеск уже испятнало алым, и заорал снова.

Талбуки заколебались. Дуротан знал: если сородич умер сразу, талбуки могут и не напасть. Понимают звериным нутром: товарке уже ничем не помочь, и потому скорее удерут, чем рискнут жизнями. Ведь если нападут, конечно, охотник срубит одного-двух, прежде чем его вобьют в снег шерстистыми ступнями.

Звери, вскочив, отступили, держась плотным строем, затем развернулись и кинулись наутек.

Взбежали на холм и скрылись из виду. Лишь разворошенный снег и отпечатки ног – вот и все, что осталось от страшной угрозы.

Дуротан опустил секиру, тяжело дыша. Затем поднял снова, испустив победный клич. Сегодня поест вдоволь, а дух талбука придет во сны нового Дуротана. Завтра вернется к своим уже взрослым, готовым служить клану – и, когда придет время, возглавить его.

– А почему мы не верхом? – спросил Дуротан капризно, по-детски.

– Не положено потому что, – ответила Мать Кашур сурово и выбрала мальчишку.

Ведь молодой же, вон здоровый какой, что ему вскарабкаться на гору предков? Это она, старуха, с удовольствием проехала бы на своем волке, большом черном звере по кличке Сноходец. Но традиция есть традиция, древняя и непреложная: пока можешь идти, иди. Дуротан склонил голову – мол, понятно, идем, так идем.

И хоть каждый новый подъем утомлял больше прежнего, интерес, ожидание нового и удивительного помогали терпеть усталость и боль. Кашур сопровождала многих юношей и девушек наверх, к священной горе, – этим завершался ритуал посвящения. Но впервые предки сами требовали привести кого-то из молодых. И старость Матери Кашур еще не победила ее любопытство.

Для молодого путь занимал лишь несколько часов, для старухи же – целый день. Уже вечерело, а еще не добрались. Кашур глянула вверх, на знакомый профиль горы, улыбнулась. Другие горы были просто мешаниной камня, Ошу'гун же возвышалась ровным правильным треугольником. В гранях ее сверкало солнце, отражалось, как в хрустале, – гора вовсе не походила на окружающее. И в самом деле, была нездешней, давным-давно упала с неба, и духи предков пришли к ней.

Потому орки и поселились в ее священной тени.

Как бы ни ругались, ни ссорились предки, будучи живыми, умерев, они оставляли мелкие раздоры, живя согласно внутри святой горы. Она скоро придет туда – но не как согбенная, немощная старуха. В последний раз она поднимается сюда в изношенном, негодном теле. В следующий раз она прилетит к Ошу'гун духом, паря как птица в небе, с легким, чистым, слепленным заново сердцем.

– Что такое, Мать Кашур? – спросил Дуротан озабоченно.

Та заморгала, очнувшись, улыбнулась.

– Ничего, сынок, совсем ничего, – заверила вполне правдиво.

Пока шли до подножия, длинные тени слились в сумрак, изгнав солнечный свет. Придется заночевать здесь, а подниматься уже с рассветом. Дуротан быстро заснул, завернувшись в шкуру им же недавно убитого талбука. Мать Кашур с удовольствием наблюдала, как он сладко и безмятежно сопел. Сон невинного ребенка... А она эту ночь проведет без снов. Чтобы увидеть завтра предков, разум должен быть чист.

Подъем был долгим и трудным, Кашур не раз сказала спасибо и надежному посоху, и надежной руке Дуротана. Однако сегодня путь казался легче: и ноги ступали уверенней, и дышалось вольготнее – будто предки тянули к себе, добавляли сил немощному телу старухи. Остановились у входа в пещеру духов – безукоризненно ровному овальному отверстию в гладком склоне. Как всегда, Кашур ощутила, будто вступает в самое лоно земли. Дуротан попытался сделать храброе лицо, но изобразил лишь растерянность. Теперь Кашур не улыбалась ему – юнец должен поволноваться! Ему вступать в священное место, и не просто так, а по требованию далекого предка. Даже она, старуха, и то волнуется.

Зажгла пучок травы с терпким, сладким запахом, помахала вокруг юноши, чтобы очистить. Затем помазала кровью отца, пролитой специально для этого и собранной в маленький

прочный кожаный кисет. Положила морщинистую руку на гладкий низкий лоб юноши, пробормотала благословение, кивнула.

– Ты и сам знаешь, что предки призывают почти всегда тех, кому назначено идти путем шамана, – сказала сурово.

Дуротан вздрогнул, кивнул.

– Я не знаю, что случится. Может, вовсе ничего. Но если все же случится – веди себя достойно, не оскорби возлюбленных предков.

Дуротан сглотнул, кивнул снова. Вдохнул глубоко, выпрямился, расправил плечи. Кашур усмехнулась: держится молодцом, виден будущий вождь.

Зашли в пещеру, Мать Кашур – первой, чтоб зажечь факелы на стенах. В их оранжевом свете показалась извилистая тропа, ведущая вниз, выглаженная до блеска множеством босых и обутих орочьих ног. Там и сям были вырезаны ступени для опоры на гладкой тропе. В тоннеле всегда было летом прохладней, а зимой теплей, чем снаружи. Кашур коснулась пальцами стены, вспоминая, как впервые попала сюда давным-давно: сердце колотилось бешено, смотрела вокруг удивленно, чувствуя теплую, липкую кровь матери на лице.

Наконец длинный пологий спуск привел к ровной площадке. На стенах больше не было факелов, и Дуротан глянул удивленно.

– Чтоб прийти к предкам, света не нужно, – сказала Кашур.

Дальше пошли в темноте.

Дуротан не испугался, но растерялся немного, оставив позади привычный мир. В крошечной темноте Кашур протянула руку, коснулась Дуротановой ладони – веди меня! Сильные толстые пальцы мягко обняли ее руку. И Кашур подумала, что даже сейчас, во тьме, когда другие стиснули бы испуганно руку шамана, Дуротан подумал о ее старости, о больных костях – и не стал давить сильно. У будущего вождя мудрое сердце.

Дальше пошли молча. И вскоре, будто заря после долгой мгlistой ночи, вокруг заструился свет.

Теперь уже Кашур могла различить силуэт рядом – молодого орка, но уже с телом взрослого воина. Смотрела за ним внимательно: чудо пещеры предков ей было привычно, – но как поведет себя молодой Дуротан?

Тот вдохнул быстро, глянул вокруг глазами, полными изумления. Мягкое белое сияние исходило из озерца посреди пещеры. Все вокруг – мягкое, теплое, ни углов, ни резких очертаний.

Знакомое чувство глубокого покоя, умиротворения снизошло на Кашур. Говорить ничего не стала – пусть молодой насмотрится вволю! Пещера была огромной, больше поляны для танцев и праздника на Кош'харге. От нее расходилось множество тоннелей, которые Кашур не осмелилась исследовать. Какой огромный простор – неудивительно, ведь нужно принять духи всех умерших орков...

Подошла к воде – молодой следом, не отстает. Кашур осторожно развязала принесенные с собой бурдюки, открыла и, молясь вполголоса, опорожнила над озером светящейся жидкости.

– Когда мы отправлялись, ты спрашивал про эти бурдюки, – сказала тихо Дуротану. – Вода здесь чужая. Давно мы начали приносить духам благословленную воду. Каждый раз, приходя, мы добавляем к священному водоему. А вода непонятно почему не уходит отсюда, как ушла бы из обычного пещерного озера. Такова сила Горы Духов!

Опорожнив бурдюки, присела на берегу. Застонав тихонько, всмотрелась в светящиеся глубины. Дуротан встал рядом. Она знала, как нужно сесть, чтобы увидеть свое отражение, усадила должным образом и его. Сперва видела лишь отражения своего лица и Дуротанова, казавшиеся призрачными в светящейся воде. Затем к их лицам добавилось третье, столь же ясное, будто Дед стоял за плечом Кашур. Взгляды их встретились, и она улыбнулась.

Выгнула шею, пытаясь глянуть на Дуротана, но тот смотрел в воду пытливо, будто ожидая. Кашур приуныла немного, но сейчас же себе выговорила: ну, если не дан ему шаманов дар, значит, не дан. Несомненно, участь его окажется не менее почетной и важной – он ведь рожден быть вождем.

– Моя любимая пра-пра- и еще много раз правнучка, ты привела его, как я и просил, – сказал Тал'краа, и голос его был мягче и теплей, чем когда-либо.

Опираясь тяжело на посох, столь же призрачный, как и он сам, пращур медленно обошел Дуротана – тот же продолжал вглядываться в отражения. Кашур внимательно наблюдала за обоими воинами клана Северного Волка. Ага, Дуротан вздрогнул, оглянулся, не понимая, откуда внезапный холод. Кашур улыбнулась – конечно, видеть предка он не может, но ведь как-то почувствовал, что Тал'краа рядом.

– Увы, ты его не видишь.

Дуротан поднял голову, принялся. Вскочил – в сиянии озера духов клыки его казались синими, а кожа приобрела странный зеленоватый оттенок.

– Да, Мать Кашур, не вижу... но ведь предок здесь?

– Здесь, – сказала Кашур.

И, повернувшись к Тал'краа, добавила:

– Я привела его, как ты и просил. Как он тебе?

Дуротан вздрогнул и сглотнул, но остался стоять прямо и горделиво, пока дух неторопливо обходил его.

– Я чувствую что-то... необычное, – сказал Дед. – Я думал, он шаманом станет. Но если сейчас меня не увидел, значит, и не увидит. Но хотя он и не сможет призывать стихии и видеть духов предков, судьба его велика. Он многое сделает для клана Северного Волка, да и для всех орков.

– Он будет... героем? – Кашур едва выговорила от волнения.

Все орки старались блюсти правила чести и доблести, но лишь немногие оказывались столь могучими, чтобы их имена остались в памяти потомков. Дуротан, услышав, вздохнул порывисто, застыл в ожидании.

– Трудно сказать, – нахмурился Тал'краа. – Ты его научи как следует. Одно ясно: от него родится спасение оркам.

И затем – Кашур никак не ожидала такой нежности от сурового Деда – Тал'краа коснулся невидимым пальцем щеки молодого орка. Глаза того расширились от ужаса, он едва сдержался, чтоб не отпрянуть, но сдержался, не испугался холодного касания призрака.

Тал'краа исчез, растворился туманом в летний день. Кашур пошатнулась – всегда забывала, насколько сила духов питала ее и поддерживала.

Дуротан подрос, быстро схватил за руку – хорошо, когда молодая сила рядом и готова помочь.

– Мать, вам плохо?

Кивнула, стиснув его руку. Хорошо – сперва его заботит она, старуха, а уж потом – сказанное предком. Раздумывая над словами Деда, решила про них не рассказывать. Хотя Дуротан и разумный, и уравновешенный, и добродушный, но подобные предсказания способны развить самое стойкое сердце.

От него родится спасение оркам.

– Нет, сынок, мне хорошо. Но я слишком стара, а духи могучи.

– Хотел бы я его увидеть, – сказал Дуротан задумчиво. – Но я почувствовал... я его ощутил, точно.

– Да, и это куда больше, чем устаивались многие.

– Мать, вы могли бы сказать мне... рассказать, что поведал предок? О том, буду ли я героем?

Пытается вести себя как взрослый, спокойно и сдержанно, но в голосе – нетерпение и мольба.

Ну, винить его не за что: все стараются жить, подражая легендам, глядя на подвиги предков. Он бы орком не был, если б не хотел так жить, не мечтал о геройстве.

– Пращур Тал'краа сказал, что это еще неясно, – ответила она откровенно.

Дуротан кивнул, не выказав разочарования.

Кашур больше не хотела ничего говорить, но как-то само собой вырвалось старческое, заботливое:

– У тебя долг перед судьбой, Дуротан, сын Гарада. Не лезь в битву наобум, не глупи, не спеши умирать, пока не исполнишь его.

– Глупец вряд ли хорошо послужит клану. – Дуротан усмехнулся. – Как раз так я и собираюсь себя вести, Мать Кашур.

– Тогда, будущий вождь, – Кашур усмехнулась тоже, – лучше б тебе позаботиться о спутнице жизни.

И расхохоталась, глядя, как в первый раз за все время путешествия к духам предков Дуротан сконфузился.

Глава 5

Дрек'Тар говорил мне: если задуматься, то время нашей истории было как ясный погожий день ранним летом. У нас, орков, было все нужное: благодатный мир, духи предков, чтобы вести нас.

Даже стихии благоприятствовали нам. Пища – в изобилии, враги свирепы, но уязвимы, а мы сами наделены многими дарами и талантами. Дренеи не были нашими союзниками – но не были и врагами. Они делились знанием и добычей, когда их просили. Это мы, орки, всегда держались поодаль, скрываясь и не доверяя. И это нас, орков, понудили исполнять чужую волю, сделали игрушкой в чужих руках.

Ненависть – могучая сила. Она может прожить дольше любого из живущих. Ненавистью можно управлять. Ненависть можно и породить.

Кил'джеден обитал во тьме – плотной, вечной, безвременной. Сквозь жилы его текла, пульсируя, мощь – лучше всякой крови, питательнее плоти, утолительнее любого питья, пьянящая и успокаивающая одновременно. Он не был всемогущ – пока не был. Пока миры падали к его ногам не силой мысли, но плодом войны, смерти, разрушения, чем Кил'джеден вполне довольствовался.

Изгнанники, предатели еще жили. Хотя для тех, кто обитал во времени и считал его, прошли многие столетия – Кил'джеден все еще чувствовал жизни беглецов. Где же они запрятались, Велен и ушедшие с ним? Трусы, не смеющие взглянуть в лицо ему и Архимонду, другу и союзнику в тяжелые времена... времена становления силы, когда из простых смертных они делались теми, кто есть сейчас.

И он, и Архимонд, и другие больше не звали себя эредарами. Велен назвал бы их ман'ари, но они – Пылающий Легион, армия Саргераса, избранные.

Кил'джеден протянул длинную алую руку, когтистую, изящную, в ничто, обнимавшее собою все сущее, – возникла зыбь, вопрос, устремленный в бытие. Когда враг удрал, в мироздание отправились разведчики, принесшие лишь вести о неудаче поисков. Архимонд пожелал казнить их за неудачу, но Кил'джеден добился, чтобы им оставили жизнь. Трусы сбежали – уж это он знал доподлинно. Остались те, кто жаждал одобрения и награды владык. И потому, хоть Кил'джеден и изъяснял свое неудовольствие провинившимся, иногда весьма болезненно, обычно давал им шанс исправиться. Иногда и еще один, когда видел, что они стараются изо всех сил, а не злоупотребляют терпением.

Архимонд такой заботы об изгнанниках не понимал.

– Есть множество миров для покорения и поглощения во славу нашего господина Саргераса, – ворчал он, и тьма сияла, пронзенная его голосом. – Пусть глупец тешится. Если вздумает применить свои таланты во вред нам, если создаст угрозу – мы это ощутим. Так пусть гниет в своем захолустье, лишенный всего, что ценил!

Кил'джеден медленно повернул массивную голову, посмотрел на повелителя демонов Архимонда.

– Бессилен он или нет – не это для меня важно, – прошипел он злобно. – Я хочу уничтожить его и глупцов, последовавших за ним. Я хочу покарать их за неверие, за отказ подумать о благе для всех нас.

Большая когтистая рука сложилась в кулак, когти впились в ладонь. Полился жидкий огонь, погас, встретившись с плотной тьмой, но остался грубый рубец, шрам. Тело Кил'джедена покрывало множество подобных рубцов – он гордился ими.

Архимонд был могуч, изящен, элегантен, умен, но ему не хватало лютой страсти всеразрушения, обуявшей Кил'джедена. Архимонд каждый раз объяснял, что напрасно тратить силы

на изгнанников, и теперь лишь вздохнул, решив оставить все как есть. Уже столетия длится этот спор и продлится еще столетия, пока Кил'джеден не преуспееет в уничтожении бывшего лучшего друга.

А Кил'джеден вдруг подумал: может, в этом и дело? Архимонд никогда не питал особо дружеских чувств к Велену. Для него тот – просто один из владык эредаров. А Кил'джеден любил Велена как брата, нет, почти как другое обличье своего «я».

А он...

Когтистая длань сжалась снова, и снова хлынул огонь преисподней, заменивший кровь.

Нет, мало знать, что Велен сидит где-то в глухомани, залечивая раненую гордость, прячась от зверей и холодов в пещере, собирая корни для пропитания. Когда-то Кил'джеден хотел просто крови бывшего друга. Но теперь одной крови – хотя в пролитии ее великая сила – слишком мало. Теперь он хотел стыда, унижения – полного, кромешного, неизбывного. Унижение, превращение в абсолютное ничтожество будет куда приятнее медного вкуса крови, текущей в жилах Велена.

Архимонд вздрогнул и приподнял голову – должно быть, кто-то из слуг заговорил с ним. У Архимонда были свои планы, свои слуги и шпионы, свои дела – как и у Кил'джедена, все ради службы темному господину, ради завоевания миров и времен.

Не промолвив и слова, Архимонд поднялся во весь свой исполинский рост и отправился в путь.

Движения его были, вопреки размерам, изящными и точными.

В этот момент и Кил'джеден ощутил прикосновение чужой мысли – Талгат, его правая рука, искал разговора с хозяином. И от мысли его веяло сдержанной радостью.

– В чем дело, друг мой? Говори же! – приказал Кил'джеден.

– О, мой великий господин, я не хочу рождать ложные надежды, но мне кажется, я нашел их!

Ах, какое изысканное, долгожданное наслаждение! Талгат был осторожней тех, за кем охотился, чуть ли не самый осторожный среди подданных. Хотя лишь немного ниже рангом самого Кил'джедена, столетиями был неизменно верен, безукоризненно предан. Даже и столь осторожного заключения не сделал бы, не удостоверившись как следует.

– Где они? Как сумел отыскать их?

– Я заметил следы их магии в мелком примитивном мире. Возможно, конечно, что они побывали там и удалились – такое, увы, случалось.

Хотя Талгат и не мог видеть его, Кил'джеден кивнул и улыбнулся себе: какой нелепый древний пережиток, движение, обозначающее согласие почти у всех разумных рас, какие доводилось встречать.

– Верно говоришь, – ободрил он подчиненного.

Часто воины Кил'джедена являлись куда-нибудь, привлеченные сладким ароматом магии эредаров, чтобы обнаружить только еще теплые следы.

Но Кил'джеден не терял надежды, ведь впереди целая вечность. Когда-нибудь они падут, сдадутся – и станут тем, чем захочет их сделать Кил'джеден.

Тут в голову владыки демонов пришла новая мысль. В самом деле, уже много раз войско находило лишь следы – а уничтожение миров, сладостное избиение их примитивных жителей, хоть и утешало уязвленную гордость, жажду мести не утоляло.

Нет, сейчас торопиться не нужно. Талгат отправится не во главе Пылающего Легиона. Из троих вождей эредаров Велен был сильнейшим и мудрейшим, полнее всего постигшим магию и науки.

Едва ли прежний друг всего за несколько веков, заполненных бегством, расслабился и потерял бдительность. Скорее, он всегда начеку и перед лицом очевидной угрозы тут же скроется.

А если угроза будет менее очевидной?

– Талгат, исследуй этот мир для меня!

– Господин? – Мысли Талгата остались связными и спокойными, но выдавали удивление.

– Раньше мы отправляли войско – и напрасно. Возможно, сейчас лучше отправиться одному – тому, в чьей верности нет ни малейших сомнений.

Кил'джеден ощутил, как гордость и благодарность за доверие смешиваются в Талгатовых мыслях с неловкостью и страхом.

– Врага можно уничтожить и не силой оружия. Временами как раз без оружия лучше и обойтись.

– И вы хотите, чтоб я отыскал путь уничтожить их, не прибегая к нашему оружию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.